

Валерий Белов

**Вторая Книга
Царств.
Поэтическое
прочтение**

18+

Валерий Белов

Вторая Книга Царств.

Поэтическое прочтение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70542103
SelfPub; 2024*

Аннотация

Обращение к многовековому опыту позволяет лучше понять настоящее. В поэтическом исследовании Второй Книги Царств Ветхого Завета на примере царя Давида показано диалектическое сочетание высших духовных мотивов и эгоистической природы человека. Ироническое и временами саркастическое изложение первоисточника отражает расхождение между ветхозаветными и современными представлениями о морали и нравственности, а смещение временных пластов отражает соотносённость этих норм с нашей действительностью.

Содержание

Глава 1. И про эвтаназию тоже	5
Глава 2. Одну ведь Академию кончали	12
Глава 3. Лицемерие Давида	22
Глава 4. Гроб об двух голов	34
Глава 5. Всё так, но убивать-то их за что?	39
Глава 6. Давид скачет перед Ковчегом	46
Глава 7. Общение Давида с Саваофом	53
Глава 8. Саваоф спасал небескорыстно	60
Глава 9. Льготы семье предшественника	65
Глава 10. С послами так не поступают	68
Глава 11. Человека нет и нет проблем	72
Глава 12. Нас на бабу променял	82
Глава 13. Дети Давида насилуют и убивают	94
Глава 14. Экстрадиция Авессалома. Мягкотелость Давида	105
Глава 15. Давид прошляпил переворот	120
Глава 16. Авессалом вошёл к наложницам Давида	128
Глава 17. Как можно дело заболтать	136
Глава 18. Плач Давида по восставшему сыну	142
Глава 19. Так кто Давиду дороже?	150
Глава 20. Не плюй против ветра	156
Глава 21. Подлог понятий и ошибки в Святом	166

Писании

Глава 22. Песнь Давида о Защитнике	173
Глава 23. Шёл народ убитых обирать	179
Глава 24. А Давид опять пушистый и белый	183

Валерий Белов

Вторая Книга Царств.

Поэтическое прочтение

Глава 1. И про эвтаназию тоже

По смерти Саула, фигуры сакральной,
Давид, разгромивший амаликитян,
Вернулся в свой город чуть провинциальный
И был в Секелаге два дня.

На третий к нему прибегает из стана
Саула беглец с прахом на голове
От, якобы, горя немытый, весь драный
И начал валяться в траве.

На землю он пал пред Давидом в поклоне,
Как принято было приветствовать власть
(А не повалился – считай, ты покойник,
И врежут тебе за всю масть).

«Откуда пришёл ты?» – Давид обратился
Не то к пораженцу, не то к беглецу,

А если по виду его амуниций
Судить – то к несчастья гонцу.

Таких убивали нередко, ведь нервы
Людей потерявших совсем не канат,
И кто прибегал сообщить горе первым
Был бит, словно в том виноват.

Послушаем, что сообщил слишком смелый
Давиду, какой интерес имел, в чём,
Когда приписал себе то, что не делал
Ни пикой своей, ни мечом.

Сказал он Давиду: «Бежал я из стана
Израильского, когда там гиб народ,
Три сына царя вместе с Ионафаном
Погибли. Навстречу вперёд

Я вышел к Саулу, когда тот пытался
Себя на копье нанизать, но не смог,
Не в силах уже от врагов оторваться,
Спешащих к нему со всех ног.

Увидев меня, он позвал меня: "Кто ты,
С чего вдруг в предгорьях шатаешься здесь?"
Ответил ему я тогда неохотно:

«Амаликитянин я есть,

Гуляю...» А он: «Подойди ко мне ближе,
Убей меня, друг мой. Такая тоска
Объяла меня, что мне просто не выжить...»
Я выполнил царский приказ.

Убил я царя, ибо знал – не жилец он,
В плену порешат его без волокит.
Потом с головы сдёрнул царский венец я,
Запястье снял с царской руки,

Принёс это всё своему господину...»
Покоя сомнения мне не дают -
Зачем эту ложь прибежавший задвинул
Давиду? – Ведь знал, что убьют.

Убийство по просьбе врачами законно ль -
Поборники права подняли вопрос.
А был ли Давид эвтаназий сторонник?
Да он убивал и без просьб.

А может быть, думал амаликитянин,
Та весть для Давида о смерти царя
Напротив приятною новостью станет,
И рвал он одежды не зря?

Тем более что, не убил он Саула,
Тот сам на свой меч, чтоб не сдаться живьём
Упал... Но какую бы ложь ни придумал
Хитрец, не пройдёт тот приём

С Давидом, не менее хитрым провидцем.
Одежды Давид разорвал, чтоб печаль
Свою показать на глазах у убийцы:
«Как смел ты? Господню печать

Сорвал ты с царя. Он помазанник Божий,
А значит, не смертным решать тот вопрос,
Как можно царя, даже если низложен,
Быстрее проводить на погост.

Что кровь на твоей голове – очевидно,
Твои же уста мне о том говорят...»
Давид приказал и убили невинным
Того, кто не трогал царя.

Когда на себя человек показанья
Вдруг начал давать, скажу мнение своё -
Заслуживает оговор наказанья
Не более чем за враньё.

Давид ли не видел подвоха в словах тех?
Да знал он про всё, потому и убил.
А жрец, всё представивши замысловато,
Подробности попросту скрыл.

Помазанник Божий и самоубийца
(Не о самураях ведь Ветхий завет)...
Так на эвтаназию красочно в лицах
В Писании дал был ответ.

Подобной развязкой я не огорошен -
Давид приказал, верный отрок убил.
Врунов ненавидел жрец, но ещё больше
Амаликитян не любил.

Саула-царя с сыном Ионафаном
(Привязанность с кем была дружбы сильней)
Оплакал Давид и сложил для тимпана
Песнь скорби с плохих новостей.

Краса твоя, о славный Израиль,
поражена врагом под самый корень.
Как пали сильные! Они твои
служители, защитники, герои.

Молчи земля! Пусть по твоим полям
не мчат гонцы, горланя злые вести,
чтоб необрезанных филистимлян,
их дочерей не радовали песни,

Как пали сильные... Так не сойди
на горы дождь с небес! Полям бесплодным
Быть там, где разом оборвались дни
царя Саула. Воин бесподобный

он был. Елеем сильный щит его
помазан был. С любых высот, с подножий
без крови ненавистных воевод
Саула меч не возвращался в ножны.

Ионафана лук не мазан был
елеем, канифолью, скипидаром,
ни чем иным, но славу он добыл,
с кровавых сечь не возвращался даром.

Саул, Ионафан, сильнее львов,
орлов быстрее были вы, в походах
под небом ночевали у костров
и поровну делили все невзгоды.

Любезные, согласные во всём

вы ссорой дней своих не омрачили,
и как по жизни были вы вдвоём,
так и по смерти вы не разлучились.

О дочери Израиля, рядил
в багряницу вас царь и в золотое.
Так плачьте о Сауле, что есть сил,
рыдайте в голос – он того достоин.

Как пали сильные на брани дня!
Сражён Ионафан в тот день зловещий.
Скорблю, брат, о тебе, любовь твоя
превыше для меня любви всех женщин.

Как пали сильные любви моей,
скорблю о них и в памяти лелею.
Погиб Саул, царь лучший из царей,
И всё, что с ним помазано елеем.

Глава 2. Одну ведь Академию кончали

«Идти ли мне в какой из городов
Иудиных?» – спросил Давид у Бога.
«Престол свободен, без обиняков
Груз власти неподъёмный в сто пудов
Прими Давид, когда не лежебока,

Иди в Хеврон – последовал ответ
Всевышнего – там все готовы
Жить в подчиненье нашем много лет.
Да охранит тебя от разных бед
Моя рука, не будь Я Иегова».

Пошёл туда Давид, он верил снам
Или иному способу контакта
С субстратом знаний, не доступных нам,
Подобным в заблуждениях кротам,
Гордящимся своею катарактой.

С Давидом двинул весь его шалман,
Ахиноама Изреелитянка
И Авигея, редкого ума

Кармитянка, что к нему сама
От мужа убегала спозаранку.

Законных было у Давида две
Жены при нём, а после будет втрое
Их больше, как положено главе
Большого царства, чтоб не овдоветь.
Вдовцом ходить не принято герою.

Привёл Давид своих людей в Хеврон
С семейством их, где все и поселились.
Приветствия неслись со всех сторон.
Что не с набегом к ним явился он,
Старейшины так просто умилились.

Мужей Иудиных соборный круг
Прервал этап разбоя, атаманства.
В Хеврон все заявили поутру
И с возгласами – любо, по нутру -
Помазали избранника на царство

Над домом по Иудиной родне.
По меркам всех евреев – маловато.
Другие кланы стонут в стороне,
Где враг филистимлянин на коне
И топчет их этнического брата.

А тут Давиду кстати донесли,
Что люди с Галаада, с Иависа
Прийти не поленились издали
И труп Саула с честью погребли,
Отбив его у гадов ненавистных.

Помазанником Божьим был Саул
(Хоть и убит не без Его участия).
Послать гонцов Давид не преминул
В тот край, где объявил на всю страну,
Что всем единоверцам будет счастье.

«За верность господину своему
Благословенны вы у Иеговы,
Все под его крылом, и потому
Я с вами и в Иудином дому
От Господа царём помазан новым».

Но Авенир, сын Ниров, высший чин
Царя Саула, человек геройский,
С Иевосфеем проявил почин
И воцарил по-свойски без причин
Сорокалетнего, считай, подростка

Над Галаадом, Израилем всем,

Ашуром и Ефремом, Изреелем.
С подобных беспредельных новостей
Саула царский сын Иевосфей
Наследной властью стал, но без еля

На волосах, и рук его размах
Не увеличился с отсутствием кадила.
Без обращений к Богу на устах
При царстве продержаться на штыках
Лишь на два года хилому хватило.

Остался при Давиде только дом
Иудин, к вере истинной причастен.
Семь с половиной лет он правил в нём,
Когда междоусобицы кругом
Страну буквально резали на части.

С Маханаима в город Гаваон
Явился Авенир, военачальник.
Иевосфея слуг штабной вагон
При нём снуёт, их в этот регион
С собою прихватил он не случайно.

На провокации большой мастак,
Хитрее подлеца представить трудно,
Давиду показать решил кулак.

Его служаки с криком – так-растак -
У Гаваонского засели пруда.

Сын Саруи тут вышел, Иоав,
Шёл не один, со слугами Давида.
На стороне другой средь буйных трав
Расположился мирно их анклав,
Мечи на них блестели лишь для вида.

Сказал тут Иоаву Авенир:
«Что воинам твоим лежать чурбаном?
Пусть хлопцы встанут, рыцарский турнир
Устроим мы для лучших из задир».
Ответил Иоав: «А что, пусть встанут».

Числом двенадцать Вениамитян
Со стороны Иевосфея встало,
С Давидовскими бились не шутя.
Две дюжины тогда Израильтян
Не за понюшку табака пропало.

Вонзили люди острые мечи,
Болтавшиеся вроде как для вида,
Друг другу в бок без видимых причин,
Но это оказался лишь почин,
Когда наружу вырвалась обида.

То место было названо Хелкаф
Хащурим, что у пруда в Гаваоне,
Где кровью обагрилась зелень трав
От игрищ зверских. Рыцарский устав
В то время ещё не был узаконен.

А после, разделившись по родне,
Укушенные точно мухой шпанской,
Дрались уже по-взрослому вполне...
Ведь там где двоевластие, стране
Не избежать кошмар войны гражданской.

Наказан был начальник Авенир
И слугами Давида бит нещадно.
Плевал народ на маршальский мундир,
Что нацепил тот красный командир,
Бранили его руганью площадной.

Брат Иоава, лёгкий Асаил,
Чьи ноги были как у серны в поле,
Гнал Авенира. Из последних сил
Тот убежал, но встал вдруг и спросил:
«Ты Асаил, брат Иоава что ли?»

Так отклонись ты от следов моих

Налево иль направо в услуженье
За дружбу с братом. Бей, гони других,
Лупи того, кто чином не комбриг,
Возьми себе его вооруженье.

Отстань ты от меня, покуда цел,
Ну, что ты прицепился, как зараза.
Убить тебя негоже мне, пострел».
Но Асаил отстать не захотел,
И повторялось это всё три раза.

«С каким лицом я к брату твоему
Явлюсь, и где подобное бывает?
Вернись немедля к дому своему,
То мой приказ. Сошлю на Колыму.
Я за неподчиненье убиваю».

И со словами этими назад
Внезапно повернул копьё сын Ниров
И Асаила просто нанизал
За то, что тот не выполнил приказ,
Не рассмотрел петлички на мундире.

Упал и тут же умер Асаил
Косулей, вдруг нарвавшейся на вилы.
Кто мимо шёл, как вкопанный застыл.

Так многих от бессмысленных могил
Спасла тогда кончина Асаила.

Два брата павшего, Авесса, Иоав
Преследовали дальше Авенира.
Сказать ему хотели – Ты неправ
И, крови Асаиловой взалкав,
Вампиром осквернил ты честь мундира.

Догнали братья Авенира. Войск
Его состав – сплошь Вениамитяне,
Готовые вступиться за него.
Задумались тут братья – Что с того
Чья сила в новой сече перетянет?

И Ниров сын прозрел в тот поздний час,
Воззвал с холма: «Ответьте мне, доколе
Всех пожирать меч будет всякий раз?
Доколе братьев ваших, то есть нас,
Вам бить как стёкла битую бейсбольной?»

Иль вам не знать последствия войны
Гражданской? Склоки, лагеря, доносы...
А вы, как по указке сатаны,
Из-за разборок отроков, шпаны
Лупцуете нас так, как бьют гундосых».

Сей довод Иоава убедил
И он сказал: «Жив Бог! А это значит,
Когда б ты утром это говорил,
Остался бы живым брат Асаил,
И ход событий шёл совсем иначе».

Трубою Иоав тут затрубил,
Остановил в момент крутую сечу.
И если кто кого недорубил
С того, что очень руку натрудил,
Меч отложил, но очень недалече.

Сраженье прекратилось. Авенир
Пошёл в Маханаим (иль в Маханаим?),
Потери по приходу оценил,
И триста шестьдесят, из бывших с ним,
Включил по смерти в список поминальный.

Из слуг Давида двадцать полегло,
Включая скорохода Асаила,
Что бросился за недругом вдогон.
Незнание петличек и погон
В тот день злосчастный отрока сгубило.

А что достопочтенный Иоав?

Добавил Авениру геморроя.
Родного брата в драке потеряв,
Израилю зато накостыляв,
Вернулся он в Хеврон почти героем.

Ещё бы, восемнадцать к одному
Имел он преимущество в убитых.
Военный гений что ли, не пойму,
В статистике подобной потому
Есть ряд вопросов, для меня открытых.

Зачем сын Ниров в эту драчку влез?
Явился в Гаваон с какой печали?
Как мог иметь подобный перевес
Его противник – милостью с небес?
Одну ведь Академию кончали.

Глава 3. Лицемерие Давида

Продолжалась меж домами распря.
В той соревновательной борьбе
Дом Давида рос и укреплялся,
А Саула дом топырил пальцы
И весьма с натуги ослабел.

Родилось в Хевроне у Давида
Шестеро сынов от разных жён.
Не впустую тратил он либидо.
В начинаниях любых, как видно,
Бережёный Богом бережён.

Первенца ему Ахиноама
Изреелитянка принесла.
Вслед другие отличились мамы -
Шестеро сынов, не так уж мало,
Ползунков одних куча мала.

Первенец Амнон, задира самый,
Всех сильнее был в играх до поры.
В бесконечном гаме полигамном
Каждый от своей конкретной мамы
Бились дети за царя горы.

В доме же Саула, где творился
Хуже дедовщины беспредел,
Авенир зарвался от амбиций
И наложницу Саула Рицпу
Между делом как-то поимел.

Царь Иевосфей, что был назначен
Авениром на высокий пост,
Будучи взбешён и озадачен
Тем, что сделал их армейский мачо,
Пиночету задал свой вопрос:

«Как посмел к наложнице Саула
Ты войти?» Обидные слова
Он в ответ услышал. Как из дула
Гневом Авенировым пальнуло:
«Разве я собачья голова?»

Милость я царя Саула дому
Оказал, знакомым и друзьям,
Защитил чертог твой от погрома.
Что же мне, всех войск твоих Главкому,
К женщине уже войти нельзя?

Или, может быть, мне надо пропуск

У тебя выписывать на вход
В огород, где опустели тропы
И плоды вот-вот готовы лопнуть?
Нынче ты, недальновидный жмот,

В грех мне ставя пошлое либидо,
Резанул связующий ремень.
Дружба наша сделалась фригидной.
И как клялся наш Господь Давиду,
Обещаю я ему в сей день:

От Саула передам Иуде
Царство и поставлю на престол
Я Давида». Видно, долго думал
Авенир до этого, покуда
К выводу подобному пришёл.

И не мог Иевосфей на это
Возразить ни слова, ибо он
Хоть и царь, а трус был несусветный,
Не имел в войсках авторитета,
И не лез, как дурень, на рожон.

Авенир послал послов к Давиду,
Чья земля там – так велел спросить -
Ведь де-юре этого не видно...

Подошёл к вопросу он солидно
Перед тем, как руку предложить

И сказать: «Давид, союз со мною
Заклучи. Мне в силе равных нет.
Будет впредь рука моя с тобою.
Обратит она к тебе без боя
Весь Израиль...» Этот аргумент

Был сильнее прочих малохолных.
«Я союз с тобою заключу –
Отвечал Давид – с условием только,
Мелхолу мне приведи на зорьке,
Дочь Саула, я с неё торчу».

Сам послов послал к Иевосфею
Так сказать: «Ведь ты ей будешь брат,
Мелхоло. Жену мою, скорее
Чем я сделаю её трофеем,
Добровольно мне верни назад.

Дочку за сто краеобрезаний
Филистимских отдал мне Саул,
За неё играл я на тимпане,
Ублажал сатрапа на диване
И оруженосцем спину гнул».

И послал Иевосфей от мужа
Мелхолу взять через десять лет,
Что они прожили душа в душу
С Фалтием. От слёз совсем опухший
Шёл тот за супругою вослед,

Уводимую назад к Давиду.
Прекратил начальник тот детсад -
Авенир прогнал без волокиты
Мужика, пока Давида свита
Не убила мужа-гордеца.

Фалтий понял всё и возвратился.
Авенир созвал всех глав семейств
Израиля, с речью обратился:
«Не бегу от ваших я петиций,
Присланных ко мне из разных мест.

И вчера, и много раньше даже,
Третьего, четвёртого аж дня,
Вы меня просили вас уважить -
Дать царём Давида. Просьбы ваши -
Руководство к действию для меня.

Израиля всех старейшин знатных

Здесь созвал я не гонять чаи,
Выберем Давида мы приватно
Самодержцем и уйдём обратно
Почивать спокойно на печи».

Вениамитянам те же речи -
Мол, Давиду следует отдать
Царский трон – вещал Главком при встрече.
Если стал бы кто ему перечить,
Рисковал умолкнуть навсегда.

Не давали в те года присягу
Самодержцу и не шли сквозь строй,
Кто кого главней, решали сами.
От царя отступник, по Писанию,
Получился чуть ли не герой.

Проведя с десятка два собраний,
Авенир к Давиду в стан спешит
Передать ему от всех окраин,
Как его желает весь Израиль,
Дом Вениаминов – аж дрожит,

Помнит, как в прудах Давиду верный
Иоав ввалил им наперёд.
Так щенки побитые, наверно,

Впредь себя ведут вполне примерно,
Когда мать им холку надерёт.

И пришел в Хеврон военачальник.
Двум десяткам бывших с ним людей
Пир Давид устроил в лучшей чайной,
Струнами наложницы бренчали,
Ничего не жалко для друзей.

Дали обещанье люди клира
Под ружьё поставить весь народ.
После слов подобных Авенира
Отпустил Давид, ушел тот с миром,
А могло ведь быть наоборот.

Вот вернулись из похода слуги
Из людей Давида, их глава
Иоав. Делёж добычи, ругань,
Как обычно... Был Давид напуган
Тем, что может сделать Иоав.

На разбой ходившее с ним войско
Разнесёт весь город в пух и в прах,
Как услышит типа шутки плоской:
Пока вы шманали недоносков,
Был здесь Иоава кровный враг,

Что убил его родного брата
Асаила. Был здесь Авенир,
Пьянствовал, потом ушёл обратно.
Не иначе с царским аппаратом
Заключил он сепаратный мир.

Всех секретарей с пути сметая,
Иоав врывается к царю:
«Совершил, Давид, я точно знаю,
Страшную ошибку, не желая
Авенира срезать на корню.

Отпустил его живым и целым,
Нет, чтоб руки выкрутить назад
Да в подвал, где ноль покажет Цельсий...
Был здесь Авенир с одной лишь целью -
Твои входы-выходы узнать

Да разведать – пребываешь в силе
Или от безделья ты ослаб.
Как нас в Академии учили,
Тем, кому не дадено извилин,
Не поможет Генеральный штаб».

Вышел Иоав, гонцов приватно

Авениру вслед отправил он
И убийцу собственно брата
Без Давида ведома обратно
Возвратил в Хеврон для похорон

(Знали все, один Давид не ведал).

Иоав встречает у ворот
Авенира, вроде для беседы,
И со словом, сука, напоследок
Бьёт исподтишка ножом в живот.

Умер Авенир. За Асаила
Отомстили подлые братья,
Иоав, Авесса, заманили
Для беседы тайной и убили...
Одному здесь удивляюсь я.

Что за идиот военачальник,
Заманить в ловушку дал себя,
Где братья вдвоём его кончали.
А Давид не ведал и в печали
Осудил горячих тех ребят,

Так сказал: «Пред Богом я невинен
В смерти Авенира на века,
И на сына Нирова судьбину

Не моя обрушилась дубина,
Не моя на нём лежит рука.

Пусть на лоб и темя Иоава
Кровь падёт, и пусть их отчий дом
Обретёт в веках дурную славу,
Пусть несчастий целая орава
Жизнь их проверяет на излом.

Семеноточивому в позоре
Суждено впустую семя лить,
Прокажённый сдастся в лепрозорий,
С посохом согбенному на зорях
Хлеб на пропитание просить.

О судьбе такой подумать страшно...
Вы же, из налётчиков, кидал,
Иоав и прочие из наших,
Раздерите все одежды ваши,
Вретища оденьте, господа».

Сам Давид пошёл тогда за гробом
Авенира, и весьма скорбел.
Лицедеем царь был бесподобным,
Всем хотел он показать особо,
Как кончины этой не хотел.

Было людям даже неуместно
О мотивах смерти той судить -
Мол, двум чреслам тесно в одном кресле,
Не в Давида это интересе
С Авениром власть свою делить.

Когда тело в землю опускали,
Царь рыдал так громко, словно брат
Хоронил сестру в гробу хрустальном.
Пока солнце не уйдёт за скалы
Он дал клятву крошки в рот не брать.

Предлагали люди хлеба с муссом
Из желанья в горе поддержать,
Но Давид держался так искусно,
Что осьмушка хлеба без надкуса
Оставалась перед ним лежать.

Проявил Давид себя мужчиной.
Приумолкли злые языки.
Стало ясно даже дурачине
То, что умерщвление случилось
Царским интересам вопреки.

С белого, пушистого кто ж спросит?

И всегда найдётся психопат
Грязный, как свинья при опоросе...
Всё, что делал царь и до, и после
Нравилось народу, это факт.

И сказал царь слугам не келейно:
«Пусть на царство и помазан я,
Не крепки ещё мои колени,
Саруи сыны меня сильнее,
Хоть и в подчиненье у меня

Иоав с Авессою. Признаться,
Я вершины власти не достиг.
Недосуг мне с ними разбираться.
Злое делающим всем мерзавцам
Да воздаст Господь по злобе их!"

Глава 4. Гроб об двух голов

Лишь узнал про Авенира, царь Иевосфей,
Что убили командира, в грусти и в тоске
Его руки опустились. Весь Израиль сник,
Как им жить без Авенира, до того велик -

Человек, царя назначил, как штрафной буллит
Отменил, переименовал... Сам теперь убит.
Два других в Верховном штабе было у царя
Генерала (оба гады, честно говоря).

Сыновья они Реммона, сучьи потроха,
Баана с натурой подлой, брат его Рихав.
К власти рвущихся верховной не перевелось,
Но в роду других достойных к службе не нашлось.

Отрок от Ионафана, что Саулу внук,
Был хромым, упала нянька с ним, услышав вдруг
Что в бою при Изрееле пал отец, и дед,
А ребенку еле-еле пять неполных лет.

С хромотою неприглядным рос Мемфивосфей,
Приходился ему дядей царь Иевосфей.
При малейшей передрыге долго ль до греха,

Если при царёвом штабе сучьи потроха.

Братья, сыновья Реммона, Баана, Рихав
В царский дом пробрались оба, про царя узнав,
Что один он без охраны, Авенира нет.
Над пшеницею привратник в довершение бед

Закемарил, притомившись, очищая хлеб.
Якобы чтоб взять пшеницы, волки влезли в хлев
И зарезали разиню, прямо как овцу.
Так привратник кони двинул с думой про мацу.

Поразили его братья ножиком в живот,
Убежали, вдруг от раны резаный взревёт.
Тихо умер тот, как Дмитрий, что упал на нож,
В спальню ринулись бандиты, в доме ни вельмож,

Ни другой какой прислуги, лишь Иевосфей
На постели ночью лунной спит, не ждёт гостей.
Поразили, умертвили, как у нас Петра,
Братья при Екатерине, славных два орла

Рода древнего Орловых, а как есть шпана,
Так и те сыны Реммона, Рихав, Баана
Голову Иефосвею отрубили прочь,
С этой ношей два злодея шли в Хеврон всю ночь.

Принесут они к Давиду голову врага,
Наградит он их – решили оба сапога
Пара, потому как братья, не хи-хи, ха-ха -
Из царёва аппарата, сучьи потроха.

За наградой так спешили в стан своих врагов,
Даже кровь они не смыли толком с рукавов
И сказали по прибытью, вынув свой трофей,
Пред Давидом не обмытый в кровушке своей:

«Голова Иевосфея пред тобою вот,
Недруг твой первостатейный, сын Саула мёртв.
Как искал отец, мы помним, царь души твоей.
Отомстил Господь по полной. Сын Иевосфей

За грехи отца ответил. Род исчезнет весь.

Голова Иевосфея пред тобою здесь».

Без приветствий с видом страшным встретил их Давид,
Не любил, когда рубашка у кого в крови,

Перебежчиков приبلудных он терпеть не мог,

Всем расчётливым паскудам преподавал урок:

«Жив Господь! Без всякой скорби жребий свой приму,
Вас, моральные уроды, толком не пойму.

Был до вас один ублюдок, радостную весть
Мне принёс про смерть Саула, был и вышел весь.
Думал он в своей отваге, как мне будет мил.
Без награды в Секелаге сгинул тот дебил.

Перед Господом не стану зря кривить душой,
Я убил его, признаться, просто ни за что.
А теперь, когда мерзавцы входят подло в дом,
Убивают домочадца служку, а потом

На постели человека режут без вины,
Неужели дольше века жить они должны?
Неужели в помощь Богу, за Его любовь,
Я не накажу ту погань за чужую кровь?

Дабы Господу не портить вид наш издали,
Истреблю я вас уродов с грешницы Земли».
Оба сыновья Реммона, сучьи потроха,
Баана с натурой подлой, брат его Рихав

Были слугами убиты и расчленены.
Руки, ноги им рубили с песней пацаны.
Тушки вешали амбалы прямо над водой,
Только ног не омывало пенистой волной.

На попутках не потея, к телу не везли

Голову Иевосфея, просто погребли
Прям во гробе Авенира. Без обиняков
Погребён в Хевроне с миром гроб об двух голов.

Глава 5. Всё так, но убивать-то их за что?

Пришли в Хеврон к Давиду все Израиля
Старейшины от всех колен сказать:
Твои мы кости, плоть твоя не крайняя,
Предупредить тебя хотим заранее,
Нас от тебя теперь не оторвать.

Ещё вчера, когда Саул тут царствовал,
Ты выводил Израиль и вводил...
(Сомнительные здесь ассоциации.
Позволю себе малость позлорадствовать -
То Фрейд рукой писавшего водил).

Царём узреть Давида возжелавшие
Красиво излагали мысль в те дни,
Слова струились, как шелка атласные:
«Сказал тебе Господь – ты будешь властвовать,
Пасти народ Мой. Бог тебе вменил

Над нами пребывать главой Израиля».
С Давидом свыше присланный завет
Спешили заключить вожди сакральные,

Вчерашнего изгоя их собрание
Помазало в цари. И сорок лет

Давид на царстве пробыл, над Иудею
Семь с половиной лет в Хевроне, а затем,
Монаршую влача судьбину трудную,
Он в Иерусалиме в зной полуденный
И в полночь свой окучивал гарем

Царём всего Израиля. Но прежде чем
Столицу в град святой переносить -
Не обойтись ведь с дурнем без затрешины -
Пришлось Давиду на земле завещанной
Иевусеев подлых усмирить,

Что жили до него там фон баронами.
И кто их надоумил заявить:
«Ты не пройдёшь к нам, даже огородами,
Слепые тебя выставят и хромые»,
Что значит: «не войдет сюда Давид».

Не ведали они, какими бедами
Им обернётся глупость слов таких -
Давид их победил, при нападении
Хромых кололи пикой при падении
И по приказу резали слепых

Всех, душу ненавидящих Давидову.
(А собственно, за что её любить?
За внешность у Давида колоритную
Или за дом, разрушенный бандитами -
Неплохо б у писавшего спросить).

Но говорят раввины и церковники
С тех давних пор: слепой, а с ним хромой
В дом Господа, где сплошь одни угодники,
Войти не смогут, точно уголовники;
Для инвалидов есть Собес иной.

Не каждой твари истинно обрящей быть.
Здесь можно согласиться без труда.
Слепой не видит света исходящего,
С забитым носом – запаха смердящего
Не чует, хромой – вечно не туда

Идёт, бредёт, а то и просто катится
В коляске, рук и ног наперечёт.
Глухой не слышит, а горбун горбатится,
Немой мычит, а лысый не лохматится.
Всё так, но убивать-то их за что?

Осел Давид тогда во взятой крепости,

Обстроил всё снаружи и внутри
И городом назвал не по нелепости,
А чтоб народ не ёрничал из вредности,
Мол, в их посёлке водятся цари.

Преуспевал Давид и в начинаниях
Господь Бог Саваоф был рядом с ним -
Так утверждает жрец в Святом Писании.
Ведь сущность Бога вовсе не в названии,
А в сущности всего, что мы творим.

Царь Тирский, звать Хирам, к Давиду плотников
Прислал (от гасторбайторов привет),
Построить особняк велел работникам
(А то живёшь, братан, ты хуже скотника,
Роняешь наш царёв авторитет).

Из кедров, что с собою притаранили,
Построили они Давиду дом.
Уразумел Давид, что над Израилем
Бог племенной, как клялся всем чуть ранее,
Законным утвердил его царём,

Возвысил царство ради кучки избранных,
Народа ради, что назвал своим.
Наложниц, жён Давид набрал невиданно,

За взятку, полагаю я солидную,
Всех прописал царь в Иерусалим.

Слегка устав от церемоний свадебных,
Плодить детей Давид не уставал,
Тем делом занимался непрестанно он.
По именам, что в Библии представлены,
Я больше двух десятков насчитал

Его детей, со счёта сбился точного...
Филистимляне, слыша, что Давид
На царство сел, так стали озабочены,
Что начали его аж по обочинам
Везде искать в надежде изловить.

Не стал Давид слоняться полуночником,
Закрылся у себя и ждал, пока
Его разведка донесёт всё в точности,
Какая у врага сосредоточенность,
Насколько его сила велика.

Давид по устоявшейся традиции
У Господа спросил (чем не хасид?) -
Напасть ли на врага, не оступиться бы?
Бог сверху оценил все диспозиции
И дал добро филистимлян гасить.

Царь выступил на спящих ближе к полночи
(Так думаю, Давид ведь был хитёр,
Когда приспичит, то умел и сподличать),
Разбил филистимлян и с Божьей помощью
Взял ритуальный вражеский шатёр.

Оставили филистимляне в панике
Всех истуканов, а Давид с людьми
На них наткнулся и с отборной бранью сжечь
Ту мерзость повелел своим охранникам,
А капище святое разгромить.

Одобрил Саваоф такое рвение,
С Давидом разработал новый план
Добить врага, но выйти не навстречу им,
А сметку проявить свою еврейскую
И шибануть с засады по тылам,

До времени скрываясь в роще тутовой,
Дождаться, когда ветер зашумит,
Подкрасться незаметно до заутрени...
Их и не ждали вовсе... Уже тут они...
Всех перебили. Да, умён Давид.

С таким вождём без помощи Всевышнего

Могли евреи вырезать врагов,
Под шум деревьев спящими чекрыжить их.
Жрецы потом в подробностях распишут нам,
Как по вершинам вёл их Саваоф.

Глава 6. Давид скачет перед Ковчегом

Всех людей отборных из Израиля
(Бишь, партийцев) царь собрал Давид.
Списки составлялись там заранее,
Кто в какой ячейке состоит.

Из того, кто в партактиве числился,
Тридцать тысяч лучших набралось
Активистов с помыслами чистыми,
Сердце чьё на клич отозвалось.

Жизнь полна событиями и вехами,
Не напрасно царь трубил аврал,
В Иерусалим всё переехало,
А ковчег в Ваале пребывал.

Господу на то смотреть обидно ведь...
На Давида взгляд мой непредвзят -
Лидеру всей нации продвинутой
Жить неоцерквлённому нельзя.

Городок Ваал в земле Иудиной,

А столица Иерусалим.
С федеральной власти атрибутами
Израиль един и неделим!

Саваоф и власть всегда в приятелях,
И повозка двинулась уже...
Как в любом большом мероприятии
Не могло не обойтись без жертв.

Праздники подобные нечастые.
Статус повышающий ковчег
Из Аминодава дома частного
Едет в дом казённый... Радость, смех.

Царь Давид и все сыны Израиля
Музицировали громко так,
Что коты бродячие шарахались.
Сам ковчег везли на двух волах.

Дом Аминодава на холме стоял,
А к нему дорожка, так себе,
Даже те, кто знали тропы местные,
Часто спотыкались при ходьбе.

По ухабам братья, Оза с Ахио,
Колесницу новую вели,

А волю платформу чуть не жажнули,
Наклонив едва не до земли.

В сторону ковчег чуть-чуть продвинулся,
Плохо закрепил его малец.
Исправлять ошибку Оза ринулся,
За ковчег схватился... и конец -

Правило есть, дурень стоеросовый,
Кто святыню тронет, тот умрёт.
Можно было просто все вопросы снять
И шестом ковчег подать вперёд...

В общем, Бог прогневался и Озу вмиг
Поразил. Он умер близ волов.
Не пустыми Бог силён угрозами,
А воистину Господь суров.

Не помогут добрые намеренья
Тем, кто святотатство сотворил.
Даже если ты при исполнении,
За ковчег схватился, так умри.

(Встал сейчас на место я священника,
Чья обязанность ковчег блюсти -
Если всё так строго, без прощения,

Как же дом прикажите мести?

Пыль летит вокруг, а до святыни той
Я рукой дотронуться боюсь
Даже стороной ладони тыльной...
Что на это скажет профсоюз?)

За убитого в тот день служителя
Опечалился Давид, ковчег
Не повёз к себе на местожительство,
Очень дальновидный человек.

В Аведдара дом отдал Гефянина
Он ковчег Господень, где тот был
Девяносто дней при почитании.
Аведдара Бог благословил

И весь дом его... Давид, конечно же,
Этому событию был рад
И для почитания дальнейшего
Перевёз ковчег в Давида град.

Торжества тот переезд означили.
Через шесть шагов вплоть до крыльца
В жертву приносили люди вскладчину
Овна молодого и тельца.

Сам Давид из силы всей пред Господом
Всё скакал, одет в льняной ефод.
Это всё равно, что голым в простыни
Без разбега прыгать на капот.

С восклицаниями, с труб звучанием
Заносили люди в град ковчег,
А Давид плясал других отчаянней,
Радость изъясляя пуще всех,

Ноги задирая, мама родная...
Мелхола, жена, Саула дочь
Из окна смотрела благородная,
Им терпеть подобное невмочь.

В сердце от презренья, отвращения
Для Давида места не нашлось...
А Давид скакал до истощения.
Как лошадка? Нет, скорей, как лось.

Жертвы всесожжения и мирные
Господу принёс Давид в тот день,
Мясо с хлебом нищему и сирому
Было раздавать ему не лень,

По куску за Саваофа каждому,
По лепёшке... Все ушли гуртом
Всяк в свой дом. Давид с глазами влажными
Возвратился в собственный свой дом,

Чтоб благословить его и прочее.
Вышла для приветствия жена,
Мелхола, а в сердце червоточина,
На глазах презренья пелена,

Молвила: «Сегодня царь Израилев
Отличился, так скакал, нет слов,
Будто солью зад ему надраили.
На глазах рабынь своих рабов

Обнажился царь, как обнажается
Только никудышный человек.
Наблюдала я за ним сквозь жалюзи
И стыда не оберусь вовек».

Ну, Давиду это не понравилось.
Он сказал, как срезал, ей в ответ:
«Мне слова твои без всякой разницы,
Шла бы ты, готовила обед.

Я плясать и петь готов пред Господом.

Твоего отца убрав без слов,
Выбрал Бог меня. За это до светла
Голоногим прыгать я готов.

Утвердил меня вождём всех избранных
Бог. В унижении моём
Я велик, ты ж женщина фригидная,
Как ночной остывший водоём».

Может, слов тех холодом надуло ей
Или не входил он больше к ней,
Но у Мелхолы, что дочь Саулова,
Аж до смерти не было детей.

Мнение бытует последнее -
Это так Верховный повелел,
Чтобы дальше в престолонаследии
Род Саула шансов не имел.

Глава 7. Общение Давида с Саваофом

Царь Давид в своём жил доме.
В том, что всех своих врагов
Победил он, вклад огромен
Саваофа. Бесподобен
Он на фоне всех богов.

Царь сказал тогда Нафану
(Был при нём такой пророк):
«Дом мой не из целлофана,
А из кедра, кухни, ванны,
А ковчег Святой продрог.

Он в шатре ютится скромно,
Словно повар, что в обед
Челядь потчует скоромным,
Сам сидит на макаронах...
Как-то мне не по себе,

На душе аж засвербело...»
– «Что на сердце у тебя,
Начинай любое дело.

Про тебя в свои дуделы
Все архангелы трубят.

Бог с тобой в твоих палатах» -
Отвечал царю пророк
Мудро и витиевато.
И с искусством дипломата
Он по сути не изрёк

Делать что, с каким почином...
Но Нафан не баламут,
Потому небеспричинно
В ночь ближайшую случилось
Слово Господа ему.

То, что слышалось пророку,
Было: «Ты рабу скажи
Моему Давиду строго:
На себя берёшь ты много,
Поостынь и не блажи.

Ты ли для Меня построить
Дом спешишь, иль я оглох?
С дней, когда с Египта строим
Выводил евреев, кроме
Как в шатрах не жил твой Бог

Или в скинии. Хоромы
Строить мне из кедра дом -
Я обмолвился хоть словом?
Шёл ли Бог к кому с поклоном
До Исхода и потом?

Не обременял Израиль
Своей просьбой Саваоф.
И у тех, чья хата с края,
Даже скромного сарая
Не просил твой Бог под кров.

Я тебя, Давид, от стада
Взял в цари и не спросил.
Опыт твой незауряден,
Не овечек тебе надо -
Богоизбранных пасти.

Был с тобою Я повсюду,
Истребил врагов твоих,
Дал Израилю Я Судей
И с тех пор в горячке будней
В расслабленье ни на миг.

Своему чертог народу

Я устрою, дам броню,
Выдерну иной породы
Всех людишек неугодных,
Израиль укореню

На земле тех нечестивцев.
Будет жить спокойно он
На земле их, не тесниться,
Перестанет колготиться
Всех народов чемпион.

А Давиду так скажи ты:
Всё исполню, что смогу.
И когда, собрав пожитки,
К праотцам вдруг заспешит он,
Его семя сберегу,

Что от чресл его случится.
Буду я ему отцом,
Он мне сыном. Нечестивцем
Станет вдруг грешить, глумиться -
Накажу тогда. В лицо

Он ударами получит
От других сынов земли,
Да и я ввалю до кучи.

Но среди дерев дремучих
Будет он как эвкалипт

Посреди лесного гула.
Ибо милости своей
Я с него пылью не сдуну,
Как когда-то сдул с Саула,
Хоть такой же он еврей.

Будет непоколебимым
Дом его, престол в веках
Устоит... хоть, кобелино,
Грешен он в делах интимных,
Но зато каков размах...»

Посетившее виденье
Рассказал Нафан царю.
Тот же по обыкновенью
За виденья подтверждением
Сам явился к алтарю,

Обратиться к Богу лично.
Так сказал: «За что, ответь
Ты меня так возвеличил,
И без помощи опричнин
Сохранишь мне царство впредь

После смерти, аж навечно?
Чем такое заслужил?
Твоей милостью отмечен,
Раз совсем по-человечьи
Ты со мной заговорил.

Пред тобой я жалкий хрящик.
Ты ж воистину велик,
Бог евреев. Вдаль смотрящий
За собой веди и в ящик
Нас до срока не свали,

Не казни на месте лобном.
Ибо кто, какой народ,
Как не твой, столь бесподобен,
В ритуалах так подробен,
С твоим именем живёт

В голове и на купюрах.
За собою нас веди.
Мы твоя номенклатура,
И во всём твоё де-юре
Мы де-факто подтвердим.

Твоё слово непреложно.

Ты над миром властелин,
Слуги мы в твоей прихожей.
Всё, что истинно, что ложно,
Знаешь только ты один.

С высоты своих полатей
Глядя на цветной палас,
Где внизу все люди братья,
Поступил Ты очень кстати,
"Лучше всех" назначив нас».

Можно осуждать Давида
За слепых, хромых, калек,
За чрезмерное либидо,
Но в общенье с Богом был он
Очень умный человек.

«Лучшие всех» – представители "богоизбранной нации", которой дозволительно всё в установлении своей власти над другими народами

Глава 8. Саваоф спасал небескорыстно

Поразил филистимлян Давид,
Взял Мефег-Гаам, их город важный,
А потом моавитян давил,
Как клопов, и издевался даже.

Всех моавитян рядком сложил,
Мерил их верёвкой. К умерщвлению
Самых крупных ставил на ножи,
Слуги выполняли порученье.

А для всех оставленных в живых
Там была верёвка покороче,
Для рабов. Кто ростом невелик
Пополнял число чернорабочих.

(Полагаю, здесь эффект дала
Кровь моавитянки, это точно -
Руфь, царя прабабушка была
Небольшого, видимо, росточка).

Так попали все его враги

В рабство дань платить. Моавитяне
Ничего поделать не могли,
Так и жили, сколько кто протянет.

Мимо проходил Араазар,
Сувский царь, низами, шёл к Евфрату.
Там в его владеньях был базар –
Требовал народ платить зарплату.

У него Давид изъял для нужд
Двадцать тысяч пеших, вместе с ними
Тысячу семьсот с конями душ,
Всадников по описи он принял.

Как он смог? Да просто – пику в зад...
Что царь Сувский думал в ту минуту?
Очевидно, сам он был не рад
Выбранному ранее маршруту.

Взял себе Давид среди бела дня
Сотню колесниц, ему хватило.
Прочим колесничным лошадям
Приказал Давид подрезать жилы.

Как представляю бедных жеребцов,
Так мурашки аж по телу скачут.

Для Давида же, со слов жрецов,
Скот калечить мало чего значит.

К Сувскому царю коней спасти
Из Дамаска прибыли сирийцы,
Двадцать тысяч с лишком. Эту рать
Раздавил тогда Давид мокрицей.

А свои охранные войска
Он поставил в Сирии Дамасской,
Отомстить чтоб этим дуракам
За поступок просто хулиганский,

Сделал их рабами... Плач и стон,
Стоило Давиду появиться...
Бог его хранил, куда бы он
На чужих ни мчался колесницах.

У Адраазаровских рабов
Отобрал щиты он золотые
Пробы высшей, взял и был таков.
В Иерусалиме щиты всплыли.

Их потом захватит Сукаким.
Здесь не обойдётся без скандала -
Царь Египта в Иерусалим

Вторгнется забрать все драгметаллы.

Но случится это всё во дни
Ровоама, сына Соломона,
А пока Давид, герой-бандит,
Грабил города и без ОМОНа.

Столько на себя переписал
Меди у туземного народа -
Сотой части вывести нельзя
Было на двенадцати подводах.

Соломон потом запасы те
Плавил в умывальницы, в бидоны,
Чтоб себя держали в чистоте
Все его наложницы и жёны.

И услышал Фой, из местных царь,
Что Давид Адраазара войско
Разгромил и, как водилось встарь,
Подвиг оценил его геройский,

Сына своего к нему прислал
Поблагодарить, что тот тирана
Разгромил. (Тот Фою задолжал,
Обманул его на пять баранов).

Иорам, сын, нёс издалека
Золотые, медные сосуды,
С ними серебро тащил в руках
И Давиду преподнёс всю груду.

Богу посвятил Давид тот дар,
Подати, что взял с других народов.
При ковчеге, видно, был амбар,
Схрон, тайник иль что-то в этом роде,

Где держали то, что «Бог пошлёт»,
И следили, чтоб не грызли крысы...
Да, выходит, Саваоф и тот
Свой народ спасал небескорыстно.

Глава 9. Льготы семье предшественника

Говорил Давид, как позже скажет
Наш полковник с трезвой головы:
«Своего предшественника каждый
Может очернить, измазать сажей,
Только мы совсем не таковы.

Все его задвиги будем помнить,
Воздадим хвалу их куражу.
Царь Саул гонял меня по полной,
Я же обещания исполню,
Милость всем потомкам окажу

В честь Ионафана. Наречённый
Брат он мне. Вот это голова,
Переплюнул даже братьев Чёрных,
За его характер белый с чёрным
Я его Берёзою прозвал.

Кто остался от всего семейства
Жив, того немедленно ко мне
Приведите, дав ему одеться.

Будь он инвалидом даже с детства,
Он со мной вновь будет на коне,

Мы ему, пока не возгордится,
Возвратим весь царский реквизит.
Слава Богу, мы не коммунисты,
Впредь экспроприаций, экстрадиций
Его дому больше не грозит».

Был в администрации Саула
Сива, раб. Давид за ним послал,
Был знаком с ним с царского загула,
Когда пьяный царь упал со стула
И посла ирландского проспал.

Кадровик с солидным стажем, Сива,
С делопроизводством был знаком:
«Есть в семье Саула, как просили,
Сын Ионафана, неспесивый,
Только он двумя ногами хром».

И сказал тогда Давид: «Подходит...
Среди прочей камарильи всей
Он один активы не уводит
За собою, сам ведь еле ходит...»
И пришел к нему Мемфивосфей

И спросил: «Вот раб твой.... Что я значу,
Для тебя ведь я как мёртвый пёс?
С каких дел ты возвращаешь дачу,
К ней гектаров тысяч пять в придачу?»
Но повис тот в воздухе вопрос.

И призвал царь Сиву с кондуитом,
В нём велел указ свой записать:
Что тайком присвоили бандиты
Из семьи Саула, впредь открыто
Всё Мемфивосфею передать.

Душ ему, рабов, отдать штук двадцать
Обрабатывать его удел,
Чтобы друга отрок не нуждался,
В Белый дом к Давиду перебрался,
За одним столом с царём сидел

С умным видом и с большою ложкой,
За царём подхватывал псалом,
Даже подправлял царя немножко.
А что хром он аж на обе ножки,
Так оно ж не видно под столом.

Глава 10. С послами так не поступают

Аммонитский царь на встречу с Богом
Отбыл, в смысле – человек почил.
Израиль он никогда не трогал,
А ходил всегда своей дорогой
И Давида не ожесточил,

А наоборот, скорей расстроил
Тем, что умер; за свои года
Тяжкой для изгнанника порою
Оказал услуг Давиду втрое,
А теперь вот отбыл навсегда.

Сын его, Аннон, наследник здешний,
Воцарился с миной на лице
Столь же глупой, сколь и безутешной...
Слуг послал Давид утешить спешно
Этого балбеса об отце.

Лишь тому еврейские старшины
Поднесли в подарок поросят,
Как Аннона разом окружили

И свинью большую подложили
Парню аммонитские князья,

Так Аннону про послов сказали:
«Неужели думаешь ты к нам
Их для утешения прислали?
Да они уже прям на вокзале
Начали глазеть по сторонам.

Да у них, ребёнку то известно,
Фотоаппараты в бороде,
Камеры в их зажигалках пьеза,
Их интересуют все подъезды -
Как подъехать, отсидеться где;

А потом загадят всё, разрушат
Город наш. Гони их прочь пинком,
От осла издохшего им уши,
А не виды покажи».... Послушал
Их Аннон и полным дураком

Бороды им сбрил наполовину
И одежду аж до самых до чресл
Срезал с них. В таком похабном виде
Двинулись послы назад к Давиду...
Так на дружбе был поставлен крест.

Аммониты, древние арабы,
Иегове плюнули в глаза,
Лучших опустили ниже швабры.
Шлёт царь Иоаву с войском храбрым
За послов Аннона наказать.

Начались манёвры, и сирийцы
Вышли поддержать аммонитян,
Но когда евреи не без риска
В кровь разбили тем сирийцам лица,
Стали уважать израильтян.

Ведь у них заступники в астрале,
Херувимы лупят из бойниц...
Но пока сирийцы то узнали
Сорок тысяч пеших потеряли
И семьсот лишились колесниц.

Сам Давид был в Иерусалиме.
Иоав, главком, тогда сполна
Отомстил, сирийцев с шляха вымел,
Мирным договором взял за вымя...
А с аммонитянами – война.

Что война, как мать родна кому-то,

Что за вид, когда содрать парик,
Как царя Давида бес попутал,
Сделал подлецом в одну минуту -
Мы узнаем дальше в Книге Книг.

Глава 11. Человека нет и нет проблем

Наступил момент за спесь и гонор
Истребить туземцев наконец.
Иоаву царь Давид с погона
Пыль стряхнул. Все царедворцы хором
Говорили: «Что за молодец

Иоав, Главком непобедимый.
Разобьёт врага и от сумы
Нас спасёт герой неутомимый.
Мы же будем здесь в Иерусалиме
При Давиде петь свои псалмы».

В это время Израиль брал Равву.
Равва – город, Израиль – страна.
Осадили Равву всей оравой.
Там под руководством Иоава
Шла с аммонитянами война.

Сам Давид однажды в знойный вечер
Встал с постели и на кровлю влез,
Где гулял и с крыши без протечек

Женщину увидел, что беспечно
В водоёме плавала top-less.

Та была заманчиво красива
В солнца заходящего лучах.
Захотел мужчина, эго диво.
Царь послал разведать похотливо
Женщина та чья, а вдруг ничья.

Слуги на неё досье подняли -
То Вирсавия. Боясь камней,
Урии жена не изменяет
Хеттеянину, обычай знает...
«Да пошёл он... звать её ко мне» –

Приказал Давид (Как наш Лаврентий
Берия, кобель из кобелей -
Что уборщиц прямо в кабинете -
Где, какую женщину заметит,
Документ предъявит и... в постель).

Слуг послал Давид... Из водоёма
Женщину привёл к нему конвой.
Овладел царь ею неуёмный,
А наутро крайне удручённой
Возвращалась та к себе домой.

Как позор смыть женщине, не знаю,
Но смогла, Писание гласит
(Скрыла, соврала... А ведь камнями
Быть ей битой по законам Майи).
Не убил Вирсавию семит.

Жрец законы Господа чтит свято,
Про двойной стандарт, конечно, знал.
Но какая здесь за блуд расплата,
Если царь Израиля в палатах
С подданной своею переспал?

Женщина беременною стала
И царя послала известить:
«Извините, мсье, но я попала,
Вам не избежать теперь скандала -
Как мне мужу правду сообщить?»

Ох, мужья ревнивые, достали,
Без проблем не могут жить совсем.
У Давида нервы не из стали,
Но как говорил товарищ Сталин,
Человека нет и нет проблем.

При осаде Урия в войсках был

Муж, в жене уверенный сто крат,
С Иоавом бил себе арабов.
В ставку царь Давид его из штаба
Вызывает, вроде на доклад,

Задаёт вопросы – Все ли живы?
Как народ и ход войны какой? -
Интерес царь проявляет лживый,
Говорит: иди домой служивый,
Ноги утомлённые омой.

Муж Вирсавии с дверей парадных
Вышел от царя, в своё жильё
Не пошёл к жене. С какой уж раны,
Видно, после той осады Раввы
Мог он обойтись и без неё

Или не хотел дурной огласки
Урия, жены неверной муж.
Так и спал он при воротах царских.
Царь Давид спросил его с опаской:
Не пошёл к жене ты... почему ж?

С прямой бывалого солдата
Урия Давиду отвечал:
«Как могу под одеялом ватным

Спать с женой, забыв про плащ-палатку?
Ведь меня в измене уличат.

Далеко в шатре при чистом поле
Спит на топчане начальник мой,
Иоав, а я себе позволю
На перине нежиться женою?
Нет, мой царь, твой воин не такой.

Всею жизнью я клянусь твоею
И душою же твоей клянусь,
Этого я сделать не сумею...»
(С возмущенья просто багровою -
Не своей душою клялся гнус,

А Давида)... Да с ревнивым мужем
Каши не сварить, Давид решил,
Нахрена такой нам воин нужен?
И как Клавдий с Гамлетом, нет, хуже
Царь Давид с тем мужем поступил.

Не входило в планы от ревнивца
Умереть... Он что дурной совсем?
Вспомнил царь про Кирова убийство
Из-за женщины... Как говорится,
Человека нет и нет проблем.

На раз-два в опасные походы
Шлют кого ни попади цари.
Способ, как мужей всех негодных
С глаз долой убрать, но благородно,
Пользовал Давид на раз, два, три.

В дом позвал он Урию, с ним вместе
Пил и ел на первом этаже,
А потом так обманул балбеса,
Что Шекспир в своей известной пьесе
У него с письмом возьмёт сюжет.

Напоил царь Урию паскудно
До того, что тот уснул меж блюд
И не шёл домой со взглядом мутным
До Вирсавии (жены покуда,
Но, считай, вдовы без двух минут).

Поутру Давид письмо напишет,
С Урией отправит в сургуче
К Иоаву, мол, доставишь лично...
А ведь было бы совсем не лишним
Урии маляву ту прочесть,

Дабы знал он о судьбе грядущей

Той, что уготовлена глупцам,
Положившимся на власть имущих...
А приказ, что Иоав получит,
Мы узнаем с вами из письма:

«Урию поставить там, где сеча
Будет иных пуще, кто кого.
Хеттеянина под град картечи
Выставить, когда же от увечий
Он загнётся, бросить одного».

Иоав долг выполняет честно,
Сможет и в затылок пристрелить
По приказу. Здесь сказать уместно -
Там, где государства интересы,
Человеку нечего ловить.

В бучу храбрецов послал по плану
Иоав, где бросил их одних.
Там в мясном котле, прям как бараны,
Люди полегли и впредь не встанут,
Хеттеянин Урия среди них.

Иоав послал об этой бойни
Донести царю, и так сказать:
Сечу проиграли мы сегодня,

Но и раб твой Урия покойный
Долго жить всем прочим приказал.

Царь, про поражение узнавши,
Разошёлся так, что не унять:
«Заклинаю памятью всех павших,
Где мозги тупые были ваши
Лезть туда, где вас легко достать?»

Блюхера такого из Генштаба
Гнать метлой, на голову мешок,
В Иордане утопить не слабо...
Вас могла убить любая баба,
Со стены метнув ночной горшок...»

Впрочем, царь Давид недолго злился,
От досады молнии метал,
Стали лишь перечислять по лицам
Кто погиб – в лице переменялся,
И пропал из голоса металл.

«Кто сказал про Урию, что умер?
Со стены его убил стрелок...
Парни, вы ж герои, а не дурни!...»
А случись у Урии брат, шурин,
Пал бы он, как жертвенный телок,

Ведь наследник он всех женских линий...
А Вирсавия без дураков
От царя беременна и сильно...
Шурина бы даже не спросили,
Удавили б и всего делов.

Лишь жена про Урию узнала,
Брызнула слезой, как водомёт,
А от горя, с радости ль рыдала,
Что случилось избежать скандала -
Кто же их беременных поймёт.

Быстро пролетело время плача.
Доносить вдове внебрачный плод -
Взял Давид Вирсавию на дачу,
Дал врача, кормилицу, в придачу
Массажистку и другой народ.

Эпизод с убийством, явно лишний,
Жрец писавший не упрятал в стол
Иль приказа свыше не услышал,
И царя Давида имидж пышный
Получил, как камера, прокол.

Хитро поступил Давид, жестоко,

Вождь евреев, царь и политрук.
Дело было то не без порока,
Зло в очах Господних, но до срока
Многое царю сходило с рук.

Глава 12. Нас на бабу променял

Дальше в лес, там больше дров! – сказал Сусанин.

Перед нами новая глава.

С ветерком несут чужие сани...

Впрочем, люди, полюбуйте сами,

Что в глуши Писанья за дрова.

Обалдев от умных слов хитросплетенья,

Я кусал свой собственный язык

С садомазохистским наслаждением...

Про Давида больших откровений,

Не встречал ещё я в Книге Книг.

И послал Господь Нафана прям к Давиду

(Как послал здесь не об этом речь),

Пожурить решил слегка, для вида,

Осудить чрезмерное либидо,

От других грехов предостеречь.

Напрямую с Богом мог Давид общаться,

Получить совет из первых уст,

Но стеснялся беспокоить часто,

Потому к пророкам обращался,

А зачем, сказать я не берусь.

Нрав Давида был то кроток, а то вспыльчив,
Знал про это посланный пророк.
Вспыхнуть мог сушняк с одной лишь спички.
И Нафан обыкновенной притчей
Начал обличить большой порок.

«В городе одном два человека жили,
При нужде – бедняк, богач – в деньгах,
Скот имел и с апатитом жилу,
И настолько был тот жлоб прижимист,
Как любой российский олигарх.

Бедняку же похвалиться было нечем,
Он нужду свою с руки кормил,
Лишь была при нём одна овечка
Из богатств. Жила она за печкой
Прямо в доме, словно член семьи.

Человек купил её ещё ягнёнком,
Выросла с его детьми овца
И была папаше за ребёнка,
С чашки ела и ручным котёнком
Засыпала на груди отца.

Тут к богатому приходит в гости странник,

Голоден, как волк, наверняка,
А богач (что для меня не странно)
Пожалел своих волов, баранов
И сварил овечку бедняка».

На слова такие возмутился крайне
Царь Давид, Нафану так сказал:
«Жив Господь! Как жадная пиранья
Понести тот должен наказание,
Кто овцу у бедного отнял.

За овечку, по закону строго если -
Вчетверо вор должен заплатить;
А не строго – следует повесить
Подлеца с его пришельцем вместе,
Дабы жадность в мире не плодить».

И сказал тогда Нафан Давиду: «Ты тот
Человек, которому висеть...
Мне Господь о том сказал открыто.
Чем другим в глаза за жадность тыкать,
На себя ты должен посмотреть.

От руки избавленный царя Саула,
Ты, как царь Израиля, всех жён
От него со всем его аулом

Мог иметь, и что тебя кольнуло
Нарушать божественный закон?

Всё в твоих владениях, тебе что, мало?

Бог ещё б добавил, если что...

Так чего тебе недоставало?

Урия вполне приличный малый,

При тебе таких наперечёт,

Ты ж убил его мечом аммонитянским,

Женщину у ближнего отнял.

Даже вождь пигмеев негритянский

Не ведёт себя настолько хамски.

Тем, что нас на бабу променял,

Сделал злое ты. Господь тебе за это

Может клапан в сердце пережать -

Жён твоих отдаст, да хоть соседу,

А тебя приговорит к отъезду,

Чтоб тебе им свечку не держать.

То, что сделал скрытно ты, Давид, и тайно

Господу претит. Свои дела

Бог вершит открыто, капитально,

Чёрного, как смоль, с доской стиральной

Кобеля отмоев добела».

И сказал Давид, раскаявшись, Нафану:
«Осознал, исправлюсь, убивать
Впредь за женщин никого не стану.
Петь псалмы я буду непрестанно,
Ночевать в молельне и дневать».

Отвечал Нафан Давиду (полномочья
Где бы он ни взял, пророк не врёт):
«Снял с тебя Бог грех и ближе к ночи
Не умрёшь ты. Трон твой обесточат
И рубильник жизнь не оборвёт.

Но ты повод дал дурной врагам Господним
Господа хулить, смотреть косым
Взглядом на него из преисподней.
И когда ты сам спасён сегодня,
То умрёт родившийся твой сын».

И пошел Нафан в свой дом. Господь в отместку,
Что уронен был его престиж,
Поразил дитё, знай наших, дескать.
И ребёнка от болезни детской
Гиппократу было не спасти.

Но Давид молился Богу о младенце

И постился, и провёл всю ночь
Лёжа на земле, и в дом согреться
Не пошёл, на посох опереться
Не желал, всех прогоняя прочь.

А когда вошли к нему с едой старшины,
Царь лежал, не зажигая бра,
За шесть дней худой стал, как рейсшина.
А на день седьмой всё разрешилось,
И ребёнка Бог к себе прибрал.

Сообщить о том – самоубийства вроде,
Думали – пока был сын живой,
Сумасбродно ихне благородье
На земле каталось в огороде,
Ночевать не шло к себе домой.

А скажи ему, поди – младенец мёртвый...
Знают все, царь в прошлом был бандит,
Ни за что про что заедет в морду
И без криминального аборта
Что-нибудь худое учинит.

Видя, как народ межуется в раздумьях,
Донести боясь плохую весть,
Понял царь Давид про смерть в натуре

И спросил, а что – ребёнок умер?
И ему сказали всё, как есть.

Встал тогда Давид с земли, пошёл умылся,
Вроде как и не было беды,
В чистые одежды облачился,
Помолился, в дом свой возвратился
И себе потребовал еды.

Пил и ел Давид тогда весьма обильно
(Кто не ел с неделю, тот поймёт).
Был народ в недоуменье сильном.
Посмелее кто его спросили,
Почему он так себя ведёт -

Пока был ребёнок жив, Давид постился,
Голодал и плакал почём зря,
А ребёнок мёртв – развеселился,
В новые одежды нарядился,
Как понять причуды их царя?

Траур где и вой, сердечный где припадок,
Даже пусть наигранный чуть-чуть?
«Что тут понимать? – Ответ был краток -
Не читали вы Рене Декарта,
Кастанеду и другую муть.

Я от них усвоил истину простую -
Жить сегодня надо и сейчас.
Если мыслю, значит существую,
А ребёнок мёртв – мольбы впустую,
Гробовых* не водится у нас.

Думал я, Господь мои мольбы услышит,
Дитяtko к себе не приберёт.
А когда спасти дитё не вышло,
Самоистязание излишне,
Что стараться, коль ребёнок мёртв?»

И Вирсавию, жену, Давид утешил,
К ней вошёл и быстро с нею спал.
Сына зачала она поспешно.
Правильно, кто умер, ну их к лешим...
Неслучайно Бог дитё прибрал.

Не был царь с Вирсавией де-юре в браке,
Урия, законный муж, был жив.
Языки, что злей чем у собаки,
Про отцовство вякали б двояко
О ребёнке новой госпожи.

Чтоб унять молву, сынок проблемный помер.

Новый народился, всё при нём,
Что он сын Давида, кто бы спорил.
Соломон Давидыч очень вскоре
Станет уважаемым царём.

Возлюбил его Господь, и женщин строим
Будет он иметь по всем углам,
А стране добавит геморроя -
Бог на то рукой глаза прикроет.
Соломон ему построит храм.

Иоав, что Урию тогда подставил
И Давида выполнил приказ,
С Раввой воевал и в город ставни
Выставил уже. Аммонитяне
Телом закрывали этот лаз.

Иоав тут поступил весьма достойно
И разумно, что царя гневить?
К славе царь – как к рюмке алкоголик.
А когда при славе ты покойник,
Лучше алкоголику налить.

Шлёт царю его Главком тогда депешу:
«Овладел я в городе водой,
Краны Равве перекрыл успешно.

Собирай народ и двигай спешно
Равву брать, как истинный герой,

Ибо город сдастся, и название всеми
Наречётся – Иоаваград.

Власть другая скажет – как посмели,
Переименует город в Йемен,
А меня лишит былых наград.

И собрал Давид народ неволить Равву,
Равву взял, устроил беспредел -
С головы царя их против правил
Он венец содрал, венцу нет равных,
На себя изделие надел.

Золота талант, алмазы книзу клонят
Голову Давида, режет вязь...
Это с непривычки, ведь на троне
Толком не сидел он, всё в поклонах
Выражал свою богобоязнь.

Неприятель пал. Кого теперь бояться?
Много вывез с Раввы царь добра.
Наступило время расквитаться
С городком, что не хотел сдаваться,
Где сражалась даже детвора.

Под железные Давид клал молотилки
Всех подряд, играли желваки.
Очень пригодились лесопилки,
Впитывали кровь легко опилки,
Туши разрезались на куски.

Обжигательные печи тоже были.
Проявил Давид здесь артистизм.
Жгли живьём, потом не хоронили...
Его опыт люди не забыли,
Ведь нацизм и в Африке нацизм.

С аммонитами потом легко и просто
Поступал Давид, лишь город брал,
Независимо от формы носа
Убивал. Сценарий Холокоста
Фюрер у Давида передрал.

Преумножив без того дурную славу,
Царь Давид, что Господом храним,
Из Дахау, аммонитской Раввы,
Чтоб детей воспитывать ораву,
Возвратился в Иерусалим.

Царь Давид, рациональный до кошмара,

Ввёл такой в Израиле режим,
Что Тимур, чьи дикие татары
Гнали с мест народы, как отары,
Просто пастушонок рядом с ним.

** так называемый целитель Григорий Грбовой после трагедии в Беслане обещал матерям погибших детей воскресить умерших.*

Глава 13. Дети Давида насилуют и убивают

Двенадцать глав вели на пьедестал
Царя Давида, и пришёл я к мысли -
Под чью б диктовку Книгу ни писал,
Тот писарь был Давида ненавистник.

Самолюбивый выше всяких мер,
Пример другим в маниакальной злобе,
С овцой – сентиментальный лицемер,
Он и детей растил с себя подобьем.

Я про инцест речь даже не веду,
Круг для любви в дворцах настолько тесен,
Что все там друг у друга на виду,
И самовырождаются все вместе.

Все дети плодovitого царя
Родня по крови лишь наполовину.
Отличие у них по матерям,
А вот отец у всех детей единый.

Был у Давида сын Авессалом

И с ним сестра, Фамарь, прекрасна видом.
Амнон в неё влюбился и притом
Он первенец был у царя Давида.

Скорбел сын так, что даже захворал
Из-за сестры. Фамарь была девица,
И просто так нахрапом, на ура
Не мог Амнон с сестрой совокупиться.

Был у Амнона друг Ионадав,
Двоюродным он братом был Амнону,
Хитрющий человек не по годам,
Пошляк и циник просто беспардонный.

Зашёл к дружку он позднею порой
И сострадательную скорчил рожу:
«Худеешь ты, как раковый больной,
Ты ж сын царя, на что это похоже?»

Сестру Авессалома любишь ты,
А он твой брат, Фамарь ему сестрица
И тёлка обалденной красоты,
И всё б путём, не будь она девицей.

А ты ложись и хворым притворись,
Худой как глист... Отец тебе поверит.

Увидев как ты сдал, обмяк, раскис,
Он спросит, что ты хочешь, я уверен.

Ты так скажи: хочу чтобы сестра
Едою подкрепила мои силы
Из рук своих, что с запахом костра,
Где пищу мне сама Фамарь сварила».

Лежал Амнон, как раковый больной.
Пришёл отец, а сын любимый – в лёжку...
Прислал Давид Фамарь к нему домой
Испечь сынку любимые лепёшки.

Пришла сестра в дом брата своего,
Взяла муки и перед ним месила,
Лепёшек напекла, и что с того?
Не только в красоте у женщин сила.

Мацу передержала на огне
И подала прям с коркой подгоревшей...
Какую кашу ты заваришь с ней?
Так и лежи больным три дня не евши.

Нет, с женщин польза, несомненно, есть,
В них исцеление от мук сердечных.
На Эверест полжизни можно лезть,

А радость покоренья быстротечна.

Как только за окном сгустилась ночь,
По наущенью хитренького друга
Из комнат брат прислугу выгнал прочь
И поступил с сестрою, как с супругой.

Схватил её и тискал до утра,
Но до того сказал ей грубо крайне:
«Готовить не умеешь ты, сестра,
А потому иди в опочивальню».

«Нет, не бесчести ты меня, Амнон,
Не сотвори безумия со с мною,
С царём поговори, и без препон
Он сделает меня твоей женою.

Куда пойду с бесчестьем поутру?»...
Но брат не слушал слов и домогался,
В итоге, изнасиловал сестру
И с ней лежал, как волк проголодался.

Но только взял кусок её стряпни
Избалованный яствами царевич,
Как ощутил во рту такой хинин,
Что о любви быть не могло и речи.

Взревел Амнон взбешённый, как ишак,
Ведь к сердцу путь лежит через желудок...
Так от любви до ненависти шаг
Был сделан где-то с ночи до полудня.

Сестру возненавидел тот браток
Такою ненавистью величайшей,
Что мне, признаюсь, стало невдомёк,
Как мог её любить он часом раньше.

Сказал Амнон сестре: «Встань и уйди»...
Она ж – упрямитесь, кричать истошно:
«Мной овладел ты хуже чем бандит,
Прогнать меня – зло будет ещё большим».

Но брат не слушал, дал слуге приказ
Прочь гнать Фамарь по гравия дорожке.
Она в семейной жизни что балласт -
Сожгла его любимые лепёшки,

По-человечески не отдалась.
Когда владел он ею через силу,
Царапалась, кусалась и дралась,
Чуть глаза хулиганка не лишила.

Фамарь в той оказалась западне
В одежде царской дочери-девицы.
Когда ж слуга захлопнул дверь за ней,
Несчастной было впору утопиться,

Рвала одежды, женщиною став,
Вопила о беде. За ней от платья
Тащился шлейф, оторванный рукав,
Как девство, что к одежде не приладить.

Сказал тогда ей брат Авессалом:
«Уж не Амнон ли был с тобою, брат твой?
Молчи, не сокрушайся о былом,
Потерянное не вернёшь обратно.

Ведь он – твой брат и своим сердцем ты
Не сокрушайся впредь об этом деле»...
С такой вот философской высоты
На девственность и честь тогда глядели.

Фамарь же в одиночестве своём
Жила в дому Авессалома брата.
И было им так радостно вдвоём,
Что между ними не было разврата.

Когда про случай тот узнал отец,

Как первенец Амнон его подставил,
Разгневался... Все думали конец
Настал Амнону. Как Иосиф Сталин,

Не сдержит царь эмоции свои,
Убьёт сына. Что ждать от беспредела?
Но тот не опечалил сына и
Развратный дух не выпустил из тела.

Ибо любил Давид за нрав крутой
Сынка Амнона, первенец к тому же.
А чтобы к счастью гнать весь мир кнутом,
Израилю такой властитель нужен.

Авессалом же внешне подостыл,
С Амноном вёл себя лояльно внешне,
Но за сестры бесчестие и стыд
Амнона ненавидел безутешно.

Два года продержался от греха
Убить козла и убежать из дома...
Но подошёл здесь праздник пастуха,
Стрижение овец Авессалома.

Момент прекрасный, ибо в день такой
Гуляют все по древнему закону,

Секатор рядом, прямо под рукой,
Осталось заманить сюда Амнона.

Пришел просить отца Авессалом:
«Приди на праздник всем семейством, батя.
Пройдёмся по сусекам помелом,
Там выпивки с едой на всех нас хватит.

Пути до стрижки – пара дней ходьбы
Неутомительной тропой горной».
Не захотел сынку царь в тягость быть
И отказался, дескать, дел по горло.

«По крайней мере, пусть пойдёт туда
Амнон, мой брат» – Авессалом настойчив,
Немало приложил тогда труда
На уговоры, а Давид не хочет

Наследника пускать на торжество,
Спросил: зачем ему идти с тобою?
Но так и не решил царь тот кроссворд -
Убить Амнона будет не слабо ли?

Особенно когда при нём братья -
Такие у царя мелькали мысли,
А детектив про «Десять негрят»

Ещё не издала Агата Кристи.

На праздник царь Амнона отпустил,
С ним – царских сыновей, пусть оторвутся...
Потом себе он это не простит,
Когда с гулянки той не все вернутся.

(Здравствуй, мама, возвратились мы не все –
Остальные вон валяются в росе...)

Устроил царский пир Авессалом,
Сам пастухам своим сказал: «Смотрите,
Когда Амнон напьётся, под столом
Хоть черпаком его, но умертвите.

По силам вам мой выполнить приказ.
Вам пьяного зарезать, что барашка...
Нет, проще, ведь в отличие от нас
Бараны не слабеют после бражки».

Так пастушата в праздник пастуха
С Амноном поступили очень просто -
По горлу полоснули, и рука
Не дрогнула... Задался я вопросом:

А что на это братья по отцу?
Учил Давид их драться друг за дружку?
А те, увидев всё, доев мацу,
Допили спешно то, что было в кружках,

На мулов сели. Каждый к своему
Путь прорубал в неразберихе жуткой
И прочь скакал, покуда самому
Не сделали резекцию желудка.

Бежали резво из чужих дверей,
К своим же не особенно спешили,
Слух до Давида долетел скорей,
Что царских сыновей всех порешили.

Встал, на себе одежды разодрал,
Повергся в траву царь, рыдая тяжко.
И каждый царедворец всё подряд
Драл на себе, и пряжки, и подтяжки.

И лишь Самая сын, Ионадав,
Племянник у царя Давида хитрый,
Сказал царю, одежды рвать не став:
«Встань, царь, с земли и подними свой скипетр.

Ты не лишился всех сынов гуртом,

И скоро они будут здесь все вместе.
Амнона лишь убил Авессалом
За то, что тот сестру его бесчестил.

Он замысел вынашивал давно,
И вот удобный подвернулся случай,
Чтоб заманить Амнона на гумно
На стрижку ли овец или на случку -

Нет разницы теперь, когда он мёртв...»,
Да, был Ионадав и без диплома
На подлости горазд, хитёр, умён,
Он и подговорил Авессалома.

К царю Гессурскому Авессалом
Сбежал тогда без всяких экстрадиций.
Насильнику досталось поделом,
И в чём-то я готов простить убийцу.

Похоже, также думал и Давид,
Утешился о смерти он Амнона,
Не стал спецслужбы привлекать свои
И возвращать сынка из-за кордона.

Глава 14. Экстрадиция Авессалома. Мягкотелость Давида

Царедворцы, царедворцы
До чего же вы хитры.
Всё вы видите, притворцы,
Через щелку, мне сдаётся,
Но храните до поры.

А когда для откровений
Обнаружите ходы,
Вы появитесь из тени
И царя благоволеньё
Обретёте за труды.

Видит Иоав, Главком всех
Войск царя, что тот в тоске -
Сердцем царь с Авессаломом,
С сыном, что сбежал из дома
За границу налегке.

Грех его был очевиден
И в глаза бил, как фонарь -
Сына он убил Давида,

Но за дело – брат ехидный
Изнасиловал Фамарь.

Только сердцу не прикажешь...
Чтоб Давид так не грустил
По сынку, что прочих гаже,
Иоав, Главком отважный,
Пособить царю решил.

Пусть, балдея от истомы,
Примет царь Давид совет
Женщины красивой, скромной...
Перебрал Главком знакомых -
При дворе подобных нет.

Отослал людей в Фекою,
Взять блондинку поумней
С грудью как из силикона,
Чтобы царь в своих покаях
Успокоился на ней,

А не просто строил глазки.
Но в печали за страну
Опостылеют все ласки.
Без наследника огласки
Жди гражданскую войну

Между этими и теми,
Кто в тени лишь случай ждёт
(Всхожей прочих сучье семя)...
Царь с подобных опасений
Кого хочешь изведёт.

Иоаву это надо?
Как спасти царя? Изволь -
Из Фекойского театра
Женщину за две зарплаты
Привели на эту роль.

Притворилась, как велели, –
Обрела печальный вид,
Не намазана елеем,
Видно сразу – три недели
По умершему скорбит.

С просьбою к царю упала
Прямо в ноги (не пройти):
«Выручайте, я пропала.
Я вдова, но это мало.
Как наследника спасти?»

Царь, конечно: «Что такое?»

Вам, мадам, помочь я рад...»
Та ему: «Два сына в поле
Подрались мои, как в школе,
И убил погодка брат.

На рабу твою восстало
Всё родство, кричит: «Отдай
Нам второго... Не пристало
Нам убийц плодить вандалов,
Отомстим ему, Банзай!

За погубленного брата,
Как наследника, весь род
Истребим. Как он когда-то,
Мы убьём его лопатой,
Нафиг нам такой урод...»

Сгинет так на дне колодца
Моя искра, свет вдали.
То не дождь с небес прольётся,
Мужа имя и потомство
Смоет кровь с лица земли».

Отвечал феоитянке
Царь Давид на те слова:
«Кто мог видеть на делянке,

Когда брат был на стремянке,
Что и чем он оббивал?

Вниз сорвавшись головою,
Принял смерть в один момент.
Знать о том могли лишь двое,
Мёртв один... Другим устроим
Следственный эксперимент.

Без труда процессуально
Мы развалим дело то.
Это ж просто аморально
Обходиться столь brutally
С тем, кто вам не конь в пальто.

Против сына кто покажет,
Быстро мы того уймём.
На прибывшего под стражей
Поглядим, каким отважным
Он предстанет пред царём.

Мести никакой не будет.
С головы сынка пушка
Злопыхатели не сдуют,
А народ пусть негодует
Из такого пустяка».

Женщина в ответ на это
Роль к развязке подвела,
Так сказала: «Царь, не сетуй,
Ты не жалуешь свой этнос,
Не желая людям зла.

Сам себе ты обвиненье
Предъявил – один сын мёртв,
А другой в уединенье
Без надежды на спасенье
За границую живёт.

Ты изгоя с дел постыдных
Не желаешь видеть, знать,
Слать в Гессур за ним посыльных.
Чем, он хуже того сына,
За кого просила мать?

Мы умрём, водой разлитой
Нас нельзя собрать в одну
Чашу. Лишь Господь сердитый
Думает, как всех бандитов
К жизни праведной вернуть,

От Себя их не отвергнуть,

Души их не погубить
И не отлучить от веры...
(Есть в истории примеры,
Как убийцу полюбить).

За суждение любое,
Царь, меня не осуди,
Доброе оно ль, худое...
Да пребудет Бог с тобою
Все отпущенные дни,

Сохранит твою державу»...
– Эко женщину несёт -
Думает Давид лукаво
И про руку Иоава
Ей вопрос свой задаёт.

Грим у женщины богемной
Смыло ли потоком слёз
От игры её отменной,
Но умён Давид – рентгеном
Видит всех людей насквозь,

Сквозь свинцовую кулису
Разглядит, что за дела,
У кого какие мысли...

И спасло тогда актрису
То, что умною была:

«Ни налево, ни направо
Мне от слов царя... Изволь,
Я отвечу за подставу -
По заданью Иоава
Я играю эту роль.

Притча лишь царю поможет
Сына вновь вернуть в страну,
Где престол ему положен.
Мудр наш царь, как ангел Божий.
Здесь Израиль на кону».

И сказал царь Иоаву:
«Всё по слову твоему
Я свершу, теперь о главном -
За границу шли маляву,
Пусть вернётся баламут».

Иоав Авессалома
Отыскал в чужой дали
И дорогою знакомой
Он привёл мальчика до дома
Прямо в Иерусалим.

В знатные свои хоромы
Не пустил сынка отец,
Отослал Авессалома
В дом, где крыша из соломы,
Да на праздник холодец.

«Моего лица не видеть
Стервецу – сказал Давид -
Не пущу в свою обитель.
Тити-мити? – Извините,
Пусть на хлебе посидит».

Про Амнона не отшибло
Память... Значит, поделом
С местожительством решили -
В царском граде на отшибе
Начал жить Авессалом.

Не было во всей столице,
Ни в Израиле во всём
Кто бы мог не без амбиций
Красотой такой гордиться,
Что имел Авессалом.

С эпителия подошвы

И до кончиков волос
Недостатков ни с пригоршню б
Не собрал иной дотошный
Модельер, коль довелось

Размечать по калькам мелом,
Осязать, да хоть лизать
Совершенное столь тело,
Что в изъяне самом мелком
Уличить было нельзя.

С шевелюрой столь лохматой
Быть красавцу довелось,
Что порой, придя до хаты,
Уставал он как сохатый
От рогов устанет лось.

Голова излишним весом
Вниз тянула. Каждый год
Стриг её со стадом вместе.
И по весу сиклей двести
Был с его волос приход.

Даже с ярки тонкорунной
Столько шерсти вам не снять.
Представляете, как трудно

Жить с такою шевелюрой.
От неё и умирать

Позже чуть ему случится.
А два года отсчитать,
У наследника родится
Три сынка и дочь, девицей
Красотою ей блистать,

Стать женою Ровоама
Соломоновича. Но
От подобной панорамы
Быть в восторге ещё рано,
Здесь у нас своё кино.

Чад плодит Давида отпрыск
На отшибе пару лет,
Царь его прийти не просит,
Малышей не видит вовсе,
А без внуков что за дед?

И тогда за Иоавом
Слуг послал Авессалом,
Чтобы тот ему, как главный
По режиму, с полным правом
Пропуск дал (как в Белый дом)

На лицо взглянуть отцово,
А то начал забывать...
Но не мчит к нему верховный,
Ни записочки, ни слова...
Нездоровится? Как знать.

К Иоаву шлют повторно
И опять в ответ – облом.
По натуре хитрый, гордый,
А прибавь характер вздорный -
Вот и весь Авессалом.

Может, просьба не по чину?...
Но прийти не захотел
Иоав. Не без причины
Как иной любой мужчина
На него восстал пострел -

Выжег Иоаву поле.
Сразу с сердца отлегло
(Не прийти ко мне позволил
Он себе... таким дай волю...)
И представьте, помогло.

Иоав к Авессалому

В дом пришёл. В бараний рог
Мог любого безусловно
Он скрутить, но не по злomu
Здесь сказал: «Зачем ты сжёг

Мой участок? Я был занят
И прийти к тебе не мог -
Важных дел согласованья...
Ты ж привлёк моё вниманье
Странным способом, сынок».

Отвечал гордец строптивый:
«Оттого я поле сжёг,
Что хочу лицо увидеть
Моего отца Давида.
Отведи меня в чертог

Ты к царю, спроси с какою
Целью он меня сюда
Экстрадировал с конвоем
Из Гессура? А не то я
Здесь растаю без следа.

Бьётся сердце с перебоем,
Так хочу к царю. Скорбей
И невзгод с меня довольно.

А виновен пред тобою -
Прямо здесь меня убей».

За сожжённую солому,
Не держал зла Иоав.
Просьбу ту Авессалома
У Давида на приёме
Изложил. Тайком в рукав

Царь всплакнул от умиления,
Просьбу удовлетворил,
По своим обыкновеньям
Принял сына с песнопеньем
И, поцеловав, простил.

Осуждать Давида сложно,
Из его душевных мук
Вывод следует безбожный:
В редких случаях, похоже,
И убийство сходит с рук.

Как в погибель обернётся
Красота на голове,
Чем Давиду отрыгнётся
Мягкотелость с благородством –
То в пятнадцатой главе.

Глава 15. Давид прошляпил переворот

Убийство плохо, но терпимо,
Тому пример Авессалом.
Судьбой до этого гонимый,
Вновь стал обласканным, любимым,
К Давиду переехал в дом.

Завёл себе сын колесницы
И скороходов пятьдесят.
Он к власти сызмальства стремился,
За честь поруганной сестрицы
Вступился пару лет спустя

Того момента, как в столице
Амнон завлёл Фамарь в свой дом,
Где изнасиловал девицу.
За это, в Книге говорится,
Убил его Авессалом.

Но в очереди к власти первым
Стоял Амнон, за ним вторым
Авессалом. Не сдали нервы -

Как претендента планомерно
Брат брата вывел из игры.

В Гессур бежал в одном тулупе,
Где под блаженного косил,
Но точно знал, что день наступит,
Когда грехи ему отпустят.
День долгожданный наступил.

Простил Давид Авессалома,
Наследником определил
Сам будучи в годах преклонных
По смерти власть отдать над домом.
А тот его опередил.

Вставал на удивленье рано
И становился у ворот,
Куда стекался люд за правдой
С надеждой, мягко скажем, странной,
Что царь их тяжбы разберёт.

Среди обиженных слонялся
Авессалом, про их дела
С вниманьем интересовался
И перед всеми извинялся,
Что очередь их не пришла

И не придёт, правы будь трижды
Они. Твердил как пономарь,
Что просьб никто их не услышит,
Судья над ними был да вышел,
А нового не хочет царь.

«Вот если бы меня судьёю
В Израиле на должность взять,
По правде с тяжбою любою
Я б обходился и без сбоя
Работала б система вся

Судебная»... В любом проходе
Он к людям руки простирал
И обнимал вчера, сегодня....
Вот так Авессалом-угодник
К себе народ располагал

И прямо в сердце Израиля
Он вкрадывался, но тайком.
Моссад ещё не учредили,
Царь благоденствовал умильно,
Мух не ловил его Главком.

На сорок лет торжеств великих -

Давид у власти – пили брют.
Тостуемый дошёл до тика.
Авессалом к нему двуликий
Подсел и так сказал царю:

«Когда ещё я был в Гессуре,
То в Сирии я дал обет -
В Хевроне принести в натуре
Бычка, как жертву, на шампуре
За избавление от бед,

Лишь снова волею Господней
Прибуду в Иерусалим...
Царь, отпусти меня сегодня,
Сорокалетие на троне
В Хевроне жертвой подкрепим».

Сказал Давид: «Иди, сын, с миром».
Авессалом пошёл в Хеврон,
Зачем-то взяв с собой у клира
Сосуды со священной миррой,
Чем окропляют царский трон.

Сын двести человек народа
Призвал из града неспроста,
И те пошли ему в угоду.

Своих спортсменов скороходов
Он разослал во все места

Сказать в Израиля коленах:
«Оповестит вас звук трубы -
В Хевроне власти перемена.
Царь старый новому смиренно
Отдал свой трон, мужей, рабынь».

А что Давид, ума палата?
Провёл его сын-обормот.
Поверил царь в пустые клятвы
И, скажем попросту, прошляпил
В Израиле переворот.

И здесь понять Давида можно -
В дни праздника не до измен.
Итог печальный подытожу -
На профилактике, похоже,
Царя Давида был рентген,

Что позволял ему всех видеть
Насквозь, а значит понимать,
Что если кто родился злыднем,
То от себя отца отринет
И в хоспис сдаст родную мать.

Во время жертвоприношений
Со всех сторон в Хеврон народ
Стекался выразить почтение
Авессалому. С песнопеньем
В Израиле переворот

Случился... Лишь Давиду споро
Весть сообщил ещё с дверей
Гонец (из Пизы? Нет, с Хеврона),
Что сын его воссел на троне,
Решил Давид бежать скорей.

Собрал он в Иерусалиме
Всех слуг, чтоб им сказать: «Друзья,
У власти приключился климакс,
И если клин не выбить клином,
То, значит, медлить нам нельзя.

Спасенья от Авессалома
Вам видеть как своих ушей.
С его коварством и апломбом
Мы встретимся на месте лобном,
Нам уготовленном уже.

Столицу он мечом разрушит,

И смерти каждого предаст
Авессалом, мой сын двурушник.
С мест обжитых уходим дружно,
Тот кто не с нами – против нас.

Пока пучком нас не связал он,
Не захватил и не застиг,
Встречаемся все на вокзале,
У касс... билеты уже взяли.
Воистину Господь велик!»

На опус мой не надо шикать,
Что плохо с Библией знаком.
Меня ругайте, но не слишком,
Единственная здесь ошибка
Лишь в том, что все ушли пешком.

Весь дом ушёл, но в нём наложниц
Оставил царь и десять жён
Дом охранять. Господь поможет,
По женщинам тоска не сгложет,
Пока в изгнанье будет он.

Оставил царь, чтоб знать всё точно,
Осведомителей своих
Среди священников и прочих,

К сынку внедрил шпионов срочно
И ждёт послания от них.

Ему бы это сделать раньше,
Покуда заговор лишь зрел.
Но ничего, хоть стар папаша,
Трон просто так не сдаст не нашим.
Авессалом не тот пострел,

Чтобы Давида одурачить.
И так в сердечной простоте
Царь был податлив, словно мячик.
А всё могло бы быть иначе,
Не будь Давид столь мягкотел.

Глава 16. Авессалом вошёл к наложницам Давида

К тому, что было, обратимся заново.
Мемфивосфея царь Давид призрел,
О чём дал свой обет Ионафану он,
О чьей кончине искренне скорбел.

Саула внук на две ноги ущербным стал,
Когда был нянькой выронен с крыльца,
А методы лечения пещерные
На ноги не поставили мальчика.

Но под царёвой тщательной опекою
С детьми Давида рос хромой малец,
Саула рода... Но тогда калекою
На трон высокий было не залезть.

Слуга Саула, Сива, в услужение
Мемфивосфею отдан был. Поля,
Активы и Саула сбережения
Давид им дал на долевых паях.

И вот теперь, когда бежал поспешно царь,

В Израиле уже не мономах,
С горы спускаясь по тропе с проплешиной,
Царь Сиву повстречал при двух ослах,

Навьюченных хлебами. Смоквы связками
С боков висели, мех с вином, изюм...
«Зачем всё это? – Царь спросил с опаскою -
Что за банкет в пустыне Кара-Кум?»

И Сива отвечал: «Еда для отроков,
Ослы для дома царского езды,
Чтоб, пробираясь горными отрогами,
Держаться за ослиные хвосты».

«А где Мемфивосфей, Саула линии
Наследник?» – царь Давид слугу спросил.
Ответил Сива: «В Иерусалиме он
И радуется: Бог их дом простил.

Саула царство снова возвратится к ним,
К нему конкретно, он один теперь
Наследный принц... Но все его амбиции
Мне невозможно сделалось терпеть.

И вот я здесь с ослами и с поклажею...»
Сказал Давид: «Назад беру обет.

Мемфивосфея подлого накажем мы.
Весь пай его передаю тебе».

Во все века борьба велась за собственность.
Зло множилось в миру из-за добра...
Вот так наветом, самым древним способом
Хитрющий Сива дольщика убрал

И скрылся со словами благодарности...
Умышленно и чаще не со зла
Немало царь Давид наделал гадостей
И, судя по всему, об этом знал.

Как подтвержденье этому прекрасное,
Саула рода, именем Семей,
Сын Геры вышел и нести напраслину
Вдруг начал, на Давидовых людей

Камнями стал швырять от возмущения
(Я ж думаю, по глупости своей -
Наслушался старейшин наушения...).Вот то, что вслед царю кричал Семей:

«Убийца, беззаконник, сгинь ты к лешему,
Сегодня ты низвергнут с высоты.
Господь накажет всех твоих приспешников,

Таких же кровопивцев, как и ты.

За пролитую кровь родства Саулова
Тебе Бог жизни яства отравил.
Из рук твоих всю власть, как ветром, сдунуло
Лишь потому, что сам ты весь в крови».

Давида окружали люди храбрые.
Сказал Авесса так, Саруин сын:
«Он, верно, перепутал нас с арабами,
Его мозги из драной бересты,

Башка же всякой дрянью нашпигована,
К тому ж в неё ударила моча.
Дозволь мне оторвать, царь, эту голову,
Чтоб мёртвый пёс навеки замолчал».

«Что мне и вам, тот пёс, сыны Саруины?
Пускай злословит, ибо дал приказ
Ему Господь меня отпескоструить так,
Как будто я болванка под заказ.

Могу ли я сказать – зачем так делаешь? -
Тому, кто там над нами наверху,
Пред кем мы все листва лишь пожелтевшая,
И нет таких, чьё рыло не в пуху.

Когда от чресл моих мой сын протянутой
Рукой своей сжимает мой кадык,
Что мне тогда речь Вениамитянина,
Каким бы ни был злым его язык.

Призрит мой Бог моё уничтожение
И все мои грехи простит с небес...»
Так царь Давид в ближайшем окружении
Сдержал вполне естественный протест

На то, когда в тебя плюют, швыряются
Камнями и обидеть норовят.
То назовётся позже толерантностью.
Давид же, толерантности гарант,

Своим путём шёл. На горе окраине
Чуть в стороне злословивший Семей
Бросал в них камни и не знал заранее,
Что целится он в собственную смерть.

Пока Давид, как лошадь Пржевальского,
В горах слонялся от людей вдали,
Авессалом и весь народ Израильский
В град царский Иерусалим пришли,

Ахитофел при них, хоть был старейшиной,
Но всеми почитался как пророк.
Авессалому он советы злейшие
Давал, а тот послушаться не мог.

К ним Хусий Архитянин, уважаемый
Давида друг пришёл: «Хочу служить».
Авессалом на то сказал: «Пожалуй, я
Повременю, ты лучше мне скажи:

Что ж с другом ты, фигура колоритная,
Прочь не ушёл?» Ему в ответ: «Я там,
Где мой народ с царём, от Бога избранным.
Охоты нет слоняться по горам.

Притом кому служить я буду преданно,
Не сыну ли Давида?» Аргумент
Весомый... Но была привычка вредная
У Хусия – обман держа в уме,

Из пальцев крест сложить и ну лукавствовать,
В кармане фи́га, мол, не даст пропасть,
А дружбе старой век цвести и царствовать,
Вернётся друг и переменит власть.

Авессалом в себе был неуверенным

(Лишь красотой природой наделён),
Советам доверялся неумеренно
Или, напротив, был весьма умён,

К Ахитофелу обратился с просьбою,
Причём на вы, что редкость в Книге Книг:
«Что делать нам, решение подбросили б».
И дал ему совет седой старик:

«К наложницам войди, отцом оставленным
Дом охранять, а не царёву честь.
Пока Давид скрывается в изгнании
Ты обесчесть всех тех, кто в доме есть.

Израильтяне, про такое действие
Услышав, скажут – С этим не шути.
Сын у отца такую вызвал ненависть,
Что сам Кондрат уже к отцу в пути».

Авессалом тогда палатку выставил
На кровле. В дом отца, войдя едва,
Сын написал пред входом недвусмысленно
Слова сакраментальные «Дом-2».

С наложницами сцены натуральные
Проделал он, и ноги на плечах

На обозрение всему Израилю
Он выставил, как в Окнах у Собчак.

Ахитофел влиял на поколение,
Советами благими поучал,
Считалось тогда так – все наставления
Он будто бы от Бога получал.

И как Авессалому оголтелому,
Он для Давида был авторитет...
Ахитофела действия умелые
В стране немало б причинили бед,

Монотеизм подвергся бы поправанию,
Когда б не Хусий, друг царя, хитрец.
Кто знает, как бы долго жить Израилю,
А вот Давиду б точно был конец.

Глава 17. Как можно дело заболтать

И сказал Ахитофел Авессалому:

«Я возьму двенадцать тысяч человек,
На Давида я обрушусь снежным комом
В эту ночь, когда он утомлённый
Свой народ устроит на ночлег.

Приведу его людей я в ужас дикий.
В страхе разбежится весь его отряд,
В спешке побросав свои мечи и пики.
Под стенания толпы и крики
Я убью Давида, их царя.

Обращу к тебе людей, заблудших, скопом,
Кроме одного, чью душу ищешь ты.
И тогда народ забудет про окопы.
По домам пойдёт тушёнку лопать,
А царя Давида ждут кранты».

Слово то пришлось тогда весьма по шерсти
Всем, кто от царя Давида претерпел
От его набегов, войн, других нашествий.

Не считался с мнением старейшин
Мономах и с трона полетел.

Но сказал Авессалом всё ж: «Позовите,
Хусию. Что скажет бывший друг отца?
Пребывал при нём он вроде сателлита,
И повадки бывшего бандита
Изучил подельник до конца.

На совете лучших Хусий Архитянин
Зародить в умах сомнения сумел:
«Уважаемые мной Израильтяне,
На отметку высшую не тянет
Тот совет, что дал Ахитофел.

Рассуждает он уже как победитель.
И каких людей он вздумал застрашать?
– Раздражённых... По себе вы не судите,
Так они и побежали, ждите,
Или как в народе скажут – щаз...

Здесь любой из вас Давида знать изволит,
Вот уж кто отнюдь не трус, не ротозей.
Не пройти к нему тайком путём окольным.
Он медведицы смелее в поле,
У которой отняли детей.

Вепрь свирепый он и опытный охотник.
Где бы он ни становился на привал,
Не застать его врасплох в одном исподнем.
Я ж за все походы не припомню,
Чтобы он с народом ночевал.

Он сейчас сидит в какой-нибудь пещере
И плюёт на сталактит иль сталагмит.
Весь народ ему, как полководцу, верит
И при вашей первой же потере
От Авессалома убежит,

Духом упадёт и даже самый дерзкий
Самого себя от страха сдаст в ломбард.
Станет на земле от дезертиров тесно,
Ибо всем в Израиле известно,
Как Давид хитёр, умён и храбр.

Лишь количеством людей, а не уменьем
Победить его возможно. Мой совет –
Чтоб сломить его людей сопротивление,
Надо войск собрать для нападения
Столько, как песка при море нет.

Мобилизовать всех вплоть до уклонистов,

Пусть похерят психи белый свой билет.
Где б в местах укромных царь ни схоронился,
Ты, Авессалом, своей десницей
Вытащишь его на белый свет.

Как роса под утро выпадает густо,
На любой травинке каплями блестит,
Спецотряды всюду ты рассыплешь дустом.
Как бы ни был таракан искусен,
Пруссака добьёт инсектицид.

От царя Давида люди расползутся,
В трещине всем вместе им не усидеть,
С силой нашей им тогда не разминуться.
Самый смелый скуксится, как цуцик,
И Давида ожидает смерть.

А войдёт он если в город какой-либо,
То придут с верёвкой люди налегке.
Пострадавшие от царского либидо
Отомстят Давиду за обиды
И утопят, как щенка в мешке.

Мы Израилю вязать царя поможем,
И не вывернется он от нас винтом.
Спеленаем мы Давида и стреножим,

Столько с ним в мешок камней положим,
Что не сыщешь камушка потом».

И сказал Авессалом и весь Израиль:
«Хусия совет во всём куда верней,
Чем слова Ахитофела на собрание.
Дальновидней Хусий Архитянин
Оказался...» Как бы так – хитрей!

Просту сумел совет Ахитофела
Лучший он разрушить. Так Господь тогда
Словоблудием Хусиевым умело
Заболтал хорошенькое дело,
Как убрать Давида без труда.

Люди верные Давида известили,
Рассказали про Ахитофела план.
Царь отряд уставший поднял через силу.
Сделали бойцы, как их просили,
В ночь ушли они за Иордан.

А Ахитофел от огорчений крайних,
Видя, что Давид уже не в западне,
Отомстил, как мог, всему собранью -
По дому оставил завещанье,
Сам же удавился на ремне.

Глава 18. Плач Давида по восставшему сыну

«О, сын мой, сын мой, бедный мой Авессалом!
О, кто бы дал мне умереть вместо тебя»...
Прекрасный получился бы псалом,
Как по сынку отец скорбит, любя.

Когда ж Давид пришел в Маханаим,
В пустыне наглотавшийся пыли,
С престола сыном собственным гоним,
Такие мысли в голову не шли.

Тогда ещё Давид с иных скорбей
Совсем не собирался на погост...
Царь осмотрел всех бывших с ним людей,
А их совсем немало набралось.

Царь сотников поставил над толпой,
И тысяченачальников Давид
Назначил, чтоб в науке боевой
Отряды не имели бледный вид.

Собрав войска, царь людям заявил:

«Я сам пойду пред вами впереди,
Как много раз до этого ходил».
Но люди отвечали: «Не ходи.

Ведь если побежим мы иль умрёт
Хоть половина наших – не беда.
Ты новых наберёшь людей в поход,
Не оскудеют наши города.

Ведь ты один – что десять тысяч нас.
Тебя убьют, а мы тогда куда?
Чей выполнять прикажешь нам приказ?
Ты нас, Давид, пугаешь иногда.

Ты в городе седи, руководи,
Депеши шли, так лучше будет всем.
Пока ты жив – народ непобедим,
А вдруг умрёшь, добавишь нам проблем».

Царь отвечал тогда под дым кадил:
«Я поступлю, как скажет мой народ».
По тысячам, по сотням выводил
Давид войска из городских ворот.

Как Ленин, по приезду на вокзал,
Держал Давид торжественную речь,

Начальникам своим царь приказал
Авессалома для него сберечь.

А сын мятежный вёл Израильтян
На бой с другой противной стороной
Иудиных кровей из поселян,
И бить кого, им было всё равно.

В лесу Ефремовом они дрались.
Народ Израильский был поражён.
Душ двадцать тысяч в небо вознеслись,
Без попечения оставив жён.

Сражение пошло по всей стране,
И погубил тогда дремучий лес
Народа больше или наравне,
Чем положил мечей кровавый блеск.

Себе представил, что за лес такой?
Болот непроходимых перебор
Иль вурдалаки с бабою Ягой
Открыли бар с названьем «Мясной бор»?

Но встретился тогда Авессалом
С людьми Давида. Испугался мул,
Рванул, как конь, сквозь чащу напролом,

А головы наездник не пригнул.

Авессалом имел огромный чуб,
Что начинался чуть не от бровей...
Но появился вдруг по ходу дуб
И прочно чуб застрял среди ветвей.

Меж небом и землёй так и повис
Авессалом, хоть до земли вершок.
Не спрыгнешь с этой виселицы вниз,
А потому болтайся как мешок.

Хоть нож какой иметь, а лучше меч.
А здесь в руке не верный меч, а кнут...
Так волосы красивые до плеч
Авессалома жизнь перечеркнут.

Увидел некто дуб – висит на нём
Авессалом... Как это понимать?
Он срочно к Иоаву, дурачком
Прикинувшись: снимать иль не снимать?

Сказал на это Иоав тогда:
«Зачем ты труп на землю не поверг?»
– «Как бы не так, нашли вы дурака.
Ведь царский сын не просто человек.

Когда б я руку на него поднял,
А царь Давил велел его сберечь,
То вы бы сами вздёрнули меня,
И речь пошла бы не о серебре

В награду. Но висеть мне резон
С ним рядом, омрачать окрестный вид.
И потому я прочь подался вон,
А он пусть как повис, так и висит».

В ответ на это молвил Иоав -
Что мне с тобою время зря терять -
В Авессалома три стрелы вогнав,
Велел ещё живого с дуба снять.

Оруженосцам он отдал приказ
Добить Авессалома, умертвить.
И десять отроков, хотя бы раз,
Отметились, чтоб босса не гневить.

Труп в яму бросили в лесу они,
В избытке наметав над ней камней.
Вот так Авессалом закончил дни,
Кого Давид любил иных сильнеей,

Братоубийство извинил кому,
А получил взамен итог простой -
Разменной монетой на кону
Сын выставил Израиль за престол.

Начальник протрубил для всех отбой,
Щадил народ, хоть раньше был неправ,
Когда из Сирии вернул домой
Авессалома верный Иоав.

А то, что тот от стрел потом сипел,
За чванство получил он поделом -
Уже при жизни памятник себе
Поставил этот фрукт Авессалом

В долине царской, а нашёл конец
В лесном овраге. Кончилась игра.
О сыне возопил один отец,
А люди разбежались по шатрам.

Ахимаас, Садоков сын, к царю
Хотел бежать, штанины подобрал:
«Пусть за победу открывает брют,
Ведь враг разбит...» Но молвил Иоав:

«Тебе сегодня вестником добра

Не стать, мёртв сын царя, Авессалом.
Напрасно от Давида ждать наград.
За злую весть не платят серебром».

При этом Хусия к себе призвал,
И как Давида друга попросил:
«Авессалома ты прекрасно знал,
Что видел, всё Давиду донеси».

Подставить вздумал (или я неправ
В оценке царедворцев тех времён,
Но, по всему, начальник Иоав
Хитёр был, дальновиден и смышлён).

Ахимаас и Хусий, ходоки
Нарисовались вместе у ворот,
Где царь Давид смотрел из-под руки,
Кто и какую весть ему несёт.

Давид пришедших встретил в полный рост,
Их донесенье слушал, но притом
Ответа ждал лишь на один вопрос -
Благополучен ли Авессалом?

Любого хитреца введёт в коллапс
Такой вопрос, здесь не поможет лесть.

И если правду скрыл Ахимаас,
То Хусий всё сказал царю как есть.

Смутился царь, в беспамятстве почти
Он шёл, тряслась седая голова.
Сквозь всхлипы можно было различить
Невнятные и горькие слова:

«О, сын мой, сын мой, бедный мой Авессалом!
О, кто бы дал мне умереть вместо тебя»...
Прекрасный получился бы псалом,
Как по сынку отец скорбит, любя.

Глава 19. Так кто Давиду дороже?

И сказали Иоаву: плачет по Авессалому
Царь Давид, жалеет сына. Эти чувства всем знакомы.

Только как быть тем героям, отдававшим жизни всеу
За царя? Прийти с победой и смотреть, как царь тоскует?

Обратилась та победа для всего народа плачем,
Ибо царь скорбит о сыне, а народу как иначе?

И входили люди тихо в город собственный украдкой,
Как стыдящиеся входят, убежавшие со схватки.

А Давид лицо руками прикрывал полураздетый,
Повторяя раз за разом: «Сын Авессалом мой, где ты?»

Иоав царю на это говорил: «Подобным рёвом
В стыд привёл сегодня слуг ты, спасших жизнь твою ца-
рёву,

Сыновей жизнь спасших, прочих – дочерей, супруг, на-
ложниц.

А меня ты вместе с ними посадил, мой царь, в калошу.

Ненавидящих ты любишь, любящих же ненавидишь.
Что мы для тебя все значим, показал ты в лучшем виде.

Если б был Авессалом твой жив-здоров без трупных пятен,

А мы б умерли всем скопом, тебе было бы приятней.

Итак, встань, к рабам, царь, выйди в праздничный наряд одетым.

Ибо Господом клянусь я, растеряешь всех людей ты.

То, что люд тебя покинет, глядя на твоё унынье,
Будет хуже всех тех бедствий, что знавал ты, царь, донныне».

Так сказал военачальник. Царь Давид его послушал.
Самому же Иоаву с его слов не станет лучше.

За спасение монарха от руки Авессалома
В торг за шапку Мономаха сдаст его царь, как Главкома.

Встал Давид, к воротам вышел и сидел с лицом суровым.
Иудеям возвестили, что их царь в порядке снова.

Весь народ к воротам вышел, царь обсох от слёз обильных.
А Израильтяне с миром по шатрам своим отбыли,

Где во всех родах, коленах про Давида спор великий
Шёл до кулаков серьёзно, даже в ход пускались пики.

Говорили (то, что с плюсом): Нас Давид, мы это помним,
От филистимлян избавил. Подвиг воина огромен...

Но другой при этом минус: Царь бежал, Авессалома
Убоялся, с Палестины выпал он из зуба plombой.

Мы того Авессалома возвели в цари над нами.
Он же умер и оставил нам одни воспоминанья.

Замутил в стране он воду, в ней же сам и склеил ласты...
Почему должны мы медлить, изнывая от безвластья?

Может, нам вернуть на царство вновь Давида? Доходили
Те слова до адресата, понял он, что снова в силе.

И послал царь до старейшин передать: чего те медлят
(Словно десять дней не ели) вновь полить его елеем,

Возвратить царём, откуда был он выгнан по ошибке,
Ведь чаёк Авессалома оказался слишком жидким.

«Кость вы моего колена, по Иуде моя плоть вы.

Быть последними зачем вам? Так вернуть меня извольте.

Передайте Амессаю: сделаю я изначально
То, что вместо Иоава будет он военачальник».

Этот аргумент весомый, как отмычка твёрдой стали,
И сердца всех иудеев для царя открыты стали.

Так сказали самодержцу: «Ты вернись и твои слуги».
К переправе Иордана за царём поплыли струги

Дом Давида со всей свитой через реку переправить,
Чтобы мог он со всем штатом полноценно ими править.

Из толпы нарисовался, Геры сын, Семей охальник,
Что царя склонял чуть раньше, покрывая матюгами,

В ноги пал перед Давидом: «Не поставь мне в преступле-
нье,

Что тебя ругал я грязно, доходя до исступленья.

Зла не вспомни мне, целитель, не лечи мне нервы дыш-
лом,

Ибо зная, как я грешен, тебя первым встретить вышел».

Ещё ранее Авесса на тот мат многоэтажный

Удивлялся – Неужели царь Семя не накажет

Даже смертью? Это что же мы имеем в этом мире -
Раз помазанник ты Божий, то не липнет грязь к порфире?

И сказал Давид Авессе, что к убийству звать изволил:
«Вы, Саруино потомство, мне наветниками что ли?

Я пришёл к верховной власти, объявляю мораторий».
(Вспомнил Ельцина некстати, не могу без аллегорий).

В Иерусалим вернулся в главный град к своим евреям
Царь Давид. Но в Израиле не одна ведь Иудея.

Был народ царя Давида Иудейский рад возврату.
Израиль же возмущался – ведь за старшего он брата

Был при десяти коленах: «Это ж просто аморально,
Что другие два колена в город свой царя забрали.

Мы же первенцы в наследстве»... Отвечали Иудеи:
«Что сердиться – по бумагам царь по крови нам роднее.

Разве лишнее мы съели иль подарки получили
От царя, что так некстати вы на нас ожесточились?

Может, подати какие мы не платим? Десятину
С нас тягают так же справно, так же мы пасём скотину...»

(Разве что, при власти ближе и полнее в полномочьях.
Но подробности такие заблудились между строчек).

Так поняв про братьев меньших – кнут в руках у них, не
пряник -

С затаённой обидой стали жить Израильтяне.

Глава 20. Не плюй против ветра

Если тот, кто много ропщет,
Как паршивая овца
Заведётся в стаде общем,
Станет звать народ на площадь -
Жди для всех тогда конца.

Там случайно находился
(А не засланный извне,
В Книге Книг так говорится)
Человек не без амбиций
Звался Савей (иль Савей?)

Родом Вениамитянин,
Но (давить таких, давить)
Призывал: «Израильтяне
Что нам лезть в чужие сани,
Где хозяином Давид?

Нет в Давиде нашей части
Или доли. Иудей
К судьбам нашим безучастен,
Думает о личной власти.
При накинутой узде

Нам ли быть в его упряжке
Иудейской, по горам
Воз везти, вздыхая тяжко?
Примем, люди, по рюмашке,
Разойдёмся по шатрам».

Тяга к дому перетянет,
Это ясно, куркули...
Тут ещё – чужие сани....
Словом, все Израильтяне
Вслед за Савеем пошли,

Отделились от Давида.
А ведь он по службе вверх
Амессая Главным двинул,
Иоава даже кинул,
Хоть геройский человек.

Иудеи же остались
При царе не из наград,
Их то ведь не зажимали.
А Давид свои сандали-
И направил в царский град.

В Иерусалим пришедши,

Десять жён наложниц взял,
Дом усиленно стерегших,
Да вот только не сберегших
От позора, наказал -

Поместил супружниц бывших
Под надзор в особый дом
Лишь за то, что прям на крыше
Обесчестил их бесстыже
Сын его Авессалом.

Содержал, но не ходил к ним
Царь в течение всех дней,
Что прожил он. Нелюдимо
Вдовами они бродили
По беспечности своей.

Им бы не поганца гладить
(До того он был красив),
А пронзить мечами гада
Или даже обезглавить,
Как то сделала Юдифь.

По обычаям восточным
Царь был мягче, чем мулла.
Вспомните, как в «Белом солнце»

Жён своих, как персик сочных,
Резал Чёрный Абдулла.

Амессаю в срок трёхдневный
Приказал Давид собрать
Иудеев, чтоб с губерний
Не утёк в свои деревни
Израильский их собрат.

Но промедлил тот на сутки.
Царь Авессе говорил:
«Этот Савей на минутку
Зол наделает нам жутких,
Больше чем сынок-дебил.

Слуг возьми у господина
Твоего, бишь у меня,
И преследуй ту скотину,
Чтоб куда бы он ни двинул,
От возмездья не слинял,

Не нашёл себе укрытий
В укреплённых городах.
Отщепенца догоните,
На дороге при раките
Удавите на задах.

Вышли люди Иоава
С Иерусалима, все
Храбрые, как змей трёхглавый,
Для кого одна булава,
Что росинка на косе.

В поле близ большого камня
Амессай возник среди дня,
Что царём назначен Главным,
Иоав же одеяний
Воинских с себя не снял.

На бедре висел меч в ножнах,
Извлекаемый в бою.
Вынуть меч совсем несложно
И ввести его подкожно,
Радость выразить свою,

Иоав что и проделал
С Амессаем под смешки -
Здравствуй, брат! – прижался телом,
Сам движением умелым
Брату выпустил кишки

Прочь всего одним ударом.

Иоаву не перечь -
Он без слов высокопарных
Мог любого, как барана,
Геморрой лечил без свеч.

Амессай не остерёгся,
И погиб он от меча.
Знать, не ждал, как мне сдаётся,
Что за царское юродство
Жизнью будет отвечать.

При моём к нему почтенье,
Ну, какой с него Главком?
Всех грехов во искупленье
Умер сразу без мучений
Он, не как Авессалом,

Что на дереве болтался
На ветвях, а до того
Отпустил такие патлы,
Что повис на них лохматый,
Зацепившись головой.

За Савеем все рванули.
Амессяя труп в кювет
С большака не преминули

Оттащить, чтоб люди нюни
Не пускали по Главе,

А вперёд за Иоавом
Шёл Израильский народ,
Дабы выловить шалаву
И Савея обезглавить
За его поганый рот.

Через все прошёл колена
Израильские Савей
И монахом скрылся в келье
В городке одном. Как пленник
Оказался тот еврей.

Если люди из пустыни
В город прут – не жди добра.
В страхе жители застыли,
В город толпы не пустили.
Те ж – на приступ город брать,

И ведь взяли бы... Но к счастью
Женщин слушали тогда
И, поверьте, не напрасно -
Слабый пол, хоть и нечасто,
Но спасает города.

Мужикам мозг дан лишь костный,
Не мозги над ними власть.
Слава Богу, что хоть поздно,
Но на весь их класс безмозглый
Одна умная нашлась.

К Иоаву наклонившись
С городской стены, она
Говорила: «Что творишь ты?
Повторить тебе не лишне,
Что страна у нас одна.

Город наш из самых древних
Городов, он прочих мать
В Израиле... Вне сомнений
Иерусалим – деревня,
Если рядом им стоять.

Ты же город наш разрушить
Вдруг решил, а для чего?
Ищешь ты Савея душу,
Что покой царя нарушил.
Так мы выдадим его.

Ты ж от нас тогда отступишь,

Или я сейчас туплю,
Зря толку здесь воду в ступе?»
Иоав ответил скупо:
«Сдашь Савея, отступлю,

Обещаю». С умным видом
Со стены она сошла
И, придя в народ, солидно
Говорила за Фемиду
Без повязки на ушах:

«Шанс у нас – отсечь Савею
Голову раз навсегда
И отдать её евреям,
Чтоб ушли они скорее,
Чем ворвутся к нам, тогда

Отвечать не головами
Нам – задами, что верней... »
Приговор голосованьем
Утвердили на собранье.
Против был один Савей.

Так Савей был обезглавлен.
Голову его в плаще,
Чтобы прочих не кровавить,

Вниз швырнули Иоаву,
Не открыв ворот вообще.

Иоав трубой натужно
Снял осаду. Все, как шквал,
По шатрам рванули дружно...
(Собственно Савей к тому же
Их тогда и призывал,

А закончил жизнь бесславно,
Против ветра плюнул он).
Царь Давид купался в славе,
Иоав опять стал Главным,
Претендент – кормил ворон.

Глава 21. Подлог понятий и ошибки в Святом Писании

Когда наследуется власть не по закону,
И бывший клан прорежен, как сорняк,
То выдирать желательно все корни,
Чтоб дальше править мирно и спокойно,
Ведь претенденты – это не пустяк.

Их надо убирать при смене власти,
И внуков за сынами слать вдогон.
А то придёт иной наследник: «Здрасти -
Вам скажем, как Лжедмитрий – живо слазьте,
Освобождайте мне папашин трон.

Был голод на земле во дни Давида
Три года. Царь с ним справиться не мог.
Перевернуть причины несолидно.
Подлог понятий в Книге очевиден -
Использован был голод, как предлог

Произвести текущую зачистку.
Саула дети лезли из земли,
Как корнеплоды скошенной редиски.

Избавиться от них единым списком
Царю жрецы изрядно помогли.

Давид не клир, но к Богу был допущен
За разъяснением – что виной тому,
Что голодом Господь народ свой мучит?
Ответил Иегова всемогущий:
«Причина вся в Сауловом дому.

Дом кровожадный (а то мы не знаем),
Всех гаваонитян он умертвил.
Из аморреев те, пришли по найму,
А царь Саул ни чеками, ни налом
Ни сикли им тогда не заплатил.

Израильтяне людям дали клятву,
Что их не тронут (не в пример другим),
А царь Саул из жадности проклятой
Припомнил аморреям пункт их пятый,
Мол, все, кто не евреи – те враги.

Кто право ему дал творить такое?»
Здесь обвинений было за глаза.
Не мог Господь на то взирать спокойно,
А так как царь Саул давно покойник,
То Бог живых примерно наказал

Во имя дела истинно благого...
(Писавший эту Книгу на века,
Давиду помогая, безусловно,
Представил в этом месте Иегову
Как мелкого и злобного божка).

Давид с вопросом к гаваонитянам:
«Что сделать мне для вас, чем примерить?
Какую мне для вас накрыть поляну,
Какой кровавой мне ухой Демьяна
Вас накормить, чтоб Богу угодить?»

Я поражён ответом благородным:
«Не нужно нам ни злата с серебром,
Ни прочего от этого уroda
Саула и от всей его породы,
И так смертей достаточно кругом,

Чтоб из-за нас кого-то умертвили».
Но этого не мог принять Давид.
Когда вопрос поставлен или-или,
Чтоб люди все обиды позабыли,
Нельзя, чтоб никого не умертвить.

Царь гаваонитянам квоту выдал

Потомство всё Саула истребить.
«Недолго, видно, жить царю Давиду,
Но он, когда по смерти кони двинет,
Желает власть за родом сохранить» -

Решили люди, не без чувства мести
Им выдать запросили сразу семь
Потомков от Саула, чтоб повесить
Их в Гиве, где на дереве всем вместе
На солнце им пред Господом висеть.

Давид сказал: «За мной не заржавеет».
Детей Саула, внуков в Гаваон
Отдал царь, как военные трофеи,
Лишь пощадил Давид Мемфивосфея,
Хромого вешать – это мови тон.

По клятве, данной им Ионафану,
Мемфивосфея надо отпустить,
А вот всех прочих вздёрнуть утром рано,
И следует последним быть профаном,
Чтоб сей подобный случай упустить.

При передаче гаваонитянам
Всех дел на тех, кому пришёл капут,
Их принимавший был изрядно пьяным.

Составил список он не без изъянов.
Ошибки те в Писание войдут.

Двух сыновей забрал тогда у Рицпы
Давид, что та Саулу родила,
Мемфивосфей среди них – то небылица,
Ведь эта Рицпа, в Книге говорится,
Женой Ионафана не была.

Наложницей она была Саула,
К Иевосфею перешла не вдруг,
А по наследству. Авенир в загуле
Входил к ней ночью... И не я придумал,
Мемфивосфей не сын Саула – внук.

Пять сыновей от дочери Саула
Забрал Давид от собственной жены
Мелхолы... Всё же, чем ей там надуло,
Когда её бездетной сделать вздумал
Господь во искупление вины?

Бумаги из особого отдела
Не сверил толком писарь-ротозей.
А родила тогда для Адриэла
Мерова, сыновья чьи шли по делу,
А у Мелхолы не было детей.

Отдал Давид царь гаваонитянам
На смерть тех семерых, кровей одних.
По сфабрикованному делу явно
Повесили их, якобы смутьянов,
Хоть не замеченных в делах лихих.

В начале жатвы ячменя все вместе
В жару они висели много дней.
Не просто умертвить на лобном месте -
На солнце их задумали повесить,
Чтоб были они Господу видней.

Бог голод снял, как в Книге говорится,
В момент весьма понятный для меня -
Сменили зиму летние зарницы,
Не от безделья люди ногти грызли,
А занимались жатвой ячменя.

Лишь Рица в своём горе настоящем
От птиц небесных и земных зверей
Двух сыновей и пять других висящих
Всё охраняла, в запахе смердящем
Сном кратким забывалась на заре.

Истлевшие останки снимут с кроны.

Саула, всех убитых иже с ним,
Давид достойно перезахоронит,
Авторитет в народе не уронит,
Жить будет дальше Господом храним.

Прим.

А когда наступило время отдать Мерову, дочь Саула, Давиду, то она выдана была в замужество за Адриэла из Мелхоль. (Первая Книга Царств, Гл 18)

...И у Мелхоль, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее. (Вторая Книга Царств Гл 6)

Глава 22. Песнь Давида о Защитнике

И воспел Давид песнь Господу в тот день,
Когда Бог от всех врагов его избавил.
Так любой плетень отбрасывает тень,
И Давид не исключение из правил.

Мы послушаем его благоую песнь.
Победителей, хоть говорят, не судят,
Но попробуем понять, где в песне лезть,
А где автор слов мозги вправляет людям.

«Бог – моя твердыня, крепость и скала,
На Него я в своих действиях уповаю,
Ограждение моё, копьё Он и стрела,
Меч разящий (то есть всё, чем убивают).

От всех бед меня не раз Спаситель мой
Ограждал, спасал. Едва своим набатом
Час мой смертный начинал свой мерзкий бой,
Стрелки Бог назад крутил у циферблата.

Волны смерти на меня несли валы.

Беззаконья власти мутные потоки
Устрашали. Всюду острые углы
Меня ждали и розетки били током.

Все невзгоды сыпались в навал.
Поджидала смерть меня с любого бока.
В тесноте своей я Господа призвал,
И мой вопль тогда дошёл до слуха Бога.

В возмущении Господь склонился вниз,
Основание небес сместило лоно,
Как от бомбы водородной понеслись
По земной коре сейсмические волны.

Дым объял от гнева Господа весь мир.
С Его уст огонь летел, срывались угли.
Пронеслись ветра, сметая ость со скирд,
Всех врагов моих они к земле пригнули.

Наклонил Бог небеса и вниз сошёл,
Дёгтем мрак сгустился под Его ногами.
Шаг Его, как Командора, был тяжёл.
На холсте Творенья молнии углями

Прожигали дыры. Среди тех огней
Руку Бог простёр ко мне, меня из многих

Бед извлёк. А тот, кто был меня сильней,
Обречён был задохнуться в смрадном смоге.

Был Господь во всём опорой для меня.
Много я тогда себе чудес позволил.
Но меня всегда перст Божий охранял,
Потому что был я чист и богомолен.

Бог по чистоте моей тогда воздал,
Было то свершить Ему совсем несложно,
Ибо я всегда молился допоздна,
Соблюдая ритуалы непреложно,

Непорочен был пред Господом моим,
Согрешить пред Ним весьма остерегался
(То, как царь себя вёл перед кем другим,
Ангелом в сравненье с ним чикагский гангстер).

Мне по чистоте моей Господь воздал
Пред Его очами. Ибо знает паства -
С чистым чисто поступает Бог всегда,
А с лукавым – строго по его лукавству.

(По лукавству Бог поступит – это как?
Хитрозадного Бог проведёт, как лоха,
Палец выставит козлу и даст пинка?)

Если так, то я готов в ладоши хлопать).

Угнетённых наш Господь спасает всех,
Унижает взором выскочек надменных.
С Ним одним делю сегодняшней успех,
Ибо это Он меня возвёл на стену.

Что мне вражье войско? Ведь Господь – мой щит,
Впрочем, как и всех, надеющихся очень
На Него. Ведь кто иной нас защитит,
Как не мой и ваш Спаситель? Непорочен

Путь Его. Пусть будет слово с моих уст:
Только Ты один, Господь, даёшь мне силу.
За Тобою вслед я за врагом гонюсь,
С тыла захожу и бью мечом постылых.

С тех высот, куда меня Ты взгромоздил,
Предо мною недруги – с картинке мыши.
Ноги Ты мои столбами вбил в настил,
Медным луком укрепил мои Ты мышцы.

Истребляя ненавидящих меня,
Не «Бонзай!» кричу, а имя твоё Божье.
В мясорубке роковой страстного дня
Имя Господа любой брони надёжней.

С ним врагов бегущих, стоит им упасть,
Я топчу и мну, покуда они дышат,
А потом их кровь, как уличную грязь,
Очищаю я с забрызганных лодыжек.

От народных масс слепого мятежа
Сохранил меня Ты, чтоб мне стать Главою
Инородцев. Под пятой они лежат
И не вякают. Бог племенной со мною,

Чтоб держать в узде другие племена,
Чтоб народ, меня досель не почитавший,
Лишь по слуху обо мне знал, что хана
Всем пришла меня Главою не признавшим.

Лебезит верхушка их передо мной,
В укреплениях своих лицом бледнеет.
Ведь чем иноплеменной народ иной,
Тем средь "Лучше всех" прожить ему труднее.

Жив Господь, благословен защитник мой!»
Вот такая песнь хвалебная сложилась...
Вознеся евреев, Бог их племенной
Оказал и всем другим народам милость.

Всем неверящим в Него придёт конец,
А другие, как ростки, пробьются к свету,
Если то, что написал премудрый жрец,
Принимать во всём за чистую монету.

Глава 23. Шёл народ убитых обирать

Убеждать Давид всех продолжал
Магией напева, благозвучием,
Что советы шлёт ему Астрал,
Потому и жизнь его нескучная.

Миррой мазанная голова -
Это воля высшего собрания...
Выслушаем мы его слова,
Сладкого певца всего Израиля:

«Приказал Господь мне анадясь
Быть скалой при вас, с Его согласия
В вышине над вами вознестись,
В страхе Божьем жить, рулить и властвовать.

Как трава мой вырастает дом,
Пребывает в солнечном сиянии,
С Богом мой завет, и я при Нём,
От Него лишь все мои желания.

(А желания какие – не секрет

Из того, что про Давида сказано.
Но завет, ведь это не запрет
На поступки даже безобразные).

Твёрд и непреложен наш союз,
И от Бога всё моё хотение.
Нечестивые – балласт и груз
Нам, что сорняки они, а тернии

Не берут в открытую ладонь
И с чертополохом не вожжаются.
Бог нам в помощь и Его огонь
Выжигать что колется и жалится».

По дорожкам, сплошь из янтаря,
Райскими ходить Давиду кущами...
Верил бы я в искренность царя,
Если бы не главы предыдущие.

То, что дальше, не галиматья,
Скажут мне жрецы, то ж аллегория -
Храбрые бойцы царя, зятя
И другие ихни благородия

Поднимали сотни на копьё
Тех филистимлян, сушить гербарием.

Составляя это житиё,
Нам жрецы в одном мозги не парили.

За контекст отвечаю головой -
Дал Господь победу... Что же далее? -
Шёл за Ним народ лишь для того,
Чтоб убитых обирать... (С сандалий их

Пряжки резать, вырывать мосты,
Где блеснут коронки в свете месяца.
Нравы, что до ужаса просты,
За тысячелетья не изменятся).

Царь сидел в пещере Одоллам.
Вифлеем был занят неприятелем.
Лучшие колодцы были там,
Не было нигде воды приятнее

Ни на вкус, ни на состав солей
Минеральных, лучше чем из скважины.
Захотел Давид пить. Кто скорей
Принесёт воды той не загаженной?

Вызвались герои, что копьём
Бить врага, по сотни три нанизывать
Обучились. За водой втроём

В Вифлеем пошли к колодцу нижнему.

Через весь филистимлянский стан
Прорубились и – назад с водицею...
А Давид ту воду пить не стал,
Вылил на героев амуницию

Со словами: «Разве то не кровь,
Что пролили люди эти храбрые?
Да хранит их Господа любовь,
Силы им придаст в борьбе с арабами».

Действием тем воодушевил
Царь народ свой на крутые подвиги.
Триста человек, что насадил,
Снял с копья Авесса, бросил под ноги.

Множество врага из-за наград
Было перебито, изувечено.
Знаком высшей доблести тогда
Было тридцать семь бойцов отмечено.

Глава 24. А Давид опять пушистый и белый

Израиль шёл, шёл...но сбился с маршрута.
Гнев Господень на народ вспыхнул трутом,
Побудил Давида к действиям беспутным,
О подобном говорят – бес попутал.

Но жрецы всё так представить умели,
Будто царь Давид совсем не при деле,
Поступал по высших сил наущенью,
А потом просил у Бога прощенье.

Хоть усердным был Давид богомольцем,
Но бывало, что и в штопор сорвётся,
Злобу выместит свою ненароком,
Пусть другим она послужит уроком.

Если царь за юбкой вдруг поведётся,
И такому объяснение найдётся.
Что б ни сделал – всё одно будет правым,
Потому как – для Израиля славы

Совершал Давид набеги и казни,

И другие, скажем так, безобразья.
Но как сказано в Священном Писанье,
Бог евреев изошрён в наказанье.

В прегрешеньях весь народ был неправым.
Царь Давид лишь повод дал для расправы
Тем, что даже себе трудно помыслить –
Вздумал царь живую силу исчислить,

Израиль пересчитать с Иудеей,
Дабы знать, чем в Палестине владеет.
А подобное прознать невозможно,
Ведь на всё, ни дать, ни взять – воля Божья.

Иоав хотел царя образумить -
Мол, зачем нам знать конечную сумму.
Если кто нас богоизбранных тронет,
Бог немедленно народ свой утроит,

Любоваться будет в белой панаме,
Как мы шапками врага закидаем.
А чтоб было с чем бросаться на танки,
Не ермолки надо шить, а ушанки.

Охраняемы мы силой завета,
И далась тогда нам перепись эта.

Беготня нам лишь добавит печали -
Думал так ленивый военачальник

И разумный, как потом оказалось,
Когда перепись, увы, состоялась.
Под ружьё аж миллион триста тысяч
Всех мужей тогда сумели исчислить.

Пятьсот тысяч Иудеев одних лишь,
И других колен евреев не лишних
Восемьсот аж тысяч там насчитали,
Что добавило начальству печали -

Где найти Давиду столько тулупов?
Понял царь, что поступил крайне глупо.
Знать зачем ему всё надо столь точно,
Лезть туда, где высших сил полномочья?

Планы строить вопреки воле Божьей
Никакой Госплан стране не поможет.
От прозренья даже сердце заныло.
Божье слово самодержца добило.

А пришло оно к пророку-провидцу,
При Давиде что служил прозорливцем,
Обличителем любого порока.

Неслучайно Гадом звали пророка.

Наказания различных трёх видов
Он принёс от Иеговы Давиду
Да такие, что – не то что ругаться,
А убить бы того Гада за гадство.

Предложил Давиду: «Бог, мол, сказал мне -
Сам себе, царь, ты назначь наказанье:
Быть ли голоду в стране семь лет кряду
Иль летать тебе болванкой снаряда,

Убегать от неприятеля, драпать,
И скрываться от врага целый квартал.
Если бегать с вещмешком царю сложно,
То другое наказанье возможно –

В продолжение трёх дней и не дольше
По Израилю пройдёт вопль истошный,
Язва будет всех косить моровая,
Сорняками люд с земли вырывая.

А тебе царь пребывать в карантине,
Бог с довольствия дом царский не снимет.
Рассуди же царь, что выбрать решишь ты.
Что ответить мне тому, кто всех выше -

Голод, бегство или мор поголовный?
За тобою, царь, последнее слово».
И сказал Давид провидцу: «Мне очень
Тяжело, балласт моих полномочий

Не могу я скинуть, чтобы свободно
Налегке бежать, не те уже годы,
Несолидно убегать мне вприпрыжку
И прощение просить за одышку -

Дескать, недруги, уж вы как хотите,
Но так быстро вы меня не гоните.
Пусть впаду я в руки Господа ныне,
Милосердный Бог меня не отринет,

В Божьей власти я в любой ипостаси.
Лишь бы в руки человечьи не впасть мне».
Из трёх зол Давид зло меньшее выбрал -
Много мор тогда народа повыбил.

На жаре во время жатвы пшеницы
Не снопы валялись в поле, а жницы...
Интересная здесь маслом картина,
Мрёт народ, а царь сидит в карантине,

Препараты в себя разные тычет...
Полегло тогда аж семьдесят тысяч.
Вот такая Божья жатва случилась
В наказание за точные числа,

Что задумал царь узнать – к вещи славе
Скольких смог бы под ружьё он поставить.
А Давид всё продолжал лицемерить,
За себя, мол, сам ответить намерен.

Говорил: «Когда народу я пастырь,
По моей вине все беды творятся,
Согрешил я беззаконно, постыло.
Так за что страдают овцы простые?»

Пусть, Господь, твоя рука обратится
На меня, на дом отца. Прекратится
Пусть падёж всех прихожан, как овечек...»
Что тут скажешь – благородно, конечно,

Да назад всё не вернёшь, эка жалость,
Наказанье ведь уже состоялось.
После драки толку нет петушиться,
Не ходил бы ты Давид в реваншисты.

Гад пожаловал к Давиду под вечер,

Но не ратовать пришёл за овечек,
А конкретно – чтобы жертвенник Бога
Был поставлен – у жрецов с этим строго.

И тогда Бог перестанет сердиться,
Поражение в стране прекратится.
Только жертвенник, чтоб Господа славить
На гумне у Орна надо поставить.

Фермер, собственник гумна, там где надо
Жечь скотину, был приятелем Гада,
И на всякий непредвиденный случай,
Как вести себя с царём, был обучен.

Царь Давид к нему приходит на стрелку,
Заклучить чтоб на недвижимость сделку
И купить себе гумно со всем скарбом.
А тот фермер отдаёт царю даром

Свой надел, гумно и упряжь с волами,
С ними пса, что всех пришедших облаял.
Говорит жене: «Замолкни, дурёха,
Без гумна что пользы нам с Кабысдоха?»

И другие паевые гектары
Пусть берут царя наместники даром.

Как ушей своих, не видеть нам жита,
Сельхозбанк не выдаёт нам кредиты

И от вольного рисует проценты...»
С добротой такую беспрецедентной
Царь Давид столкнулся явно впервые,
Что гектары отдают паевые

Не браткам, не в результате наезда,
Без угрозы всю семью перерезать.
И сказал на это царь изумлённый:
«Вижу я, что ты, как фермер, зелёный.

Забираю я гумно, с ним гектары,
Но не даром, не за фук, не на шару.
Покупаю я волов, упряжь, дровни.
На участке мы поставим жаровню.

Жертва с дымом вознесётся к Стожарам.
Но прознав, что всё досталось нам даром,
Отвернётся наш Господь от ягнёнка,
А тем паче от вола иль телёнка».

И купил Давид гумно за наличность,
Серебра отсыпал Орну прилично.
Обошёлся тот потом без кредитов,

И процентов, что страшнее бандитов.

Бог с евреями сменил гнев на милость,
Пораженье в их среде прекратилось.
Как сошли с народа трупные пятна,
Стал опять Давид на ощупь приятным

И пушистым без следов от лишая...
Про Давида Книгу Царств завершаю
Я Вторую. Мне простит жрец писавший,
Что я лишь наполовину из наших.

Лучше всех мне – ни в какие ворота,
А с элиты меня просто воротит.
По одной такой причине из многих
От Давида я уже не в восторге,

Впрочем, как и от героев всех прочих...
Без святейших я пишу полномочий,
И за взгляд свой, через чур человеческий,
На Писанье лишь пред Богом отвечу.